

ПЕТР ТРИБОЙ

**«Убийство Листьева.
Расследование, ставшее неактуальным»**

ПРИЗНАНИЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Оглавление

Вступительное слово Ю.И. Скуратова	3
Предисловие.....	6
Убийство Листьева.....	7
Особенности расследования	14
Взаимоотношения со средствами массовой информации.....	20
Допросы Березовского Б.А. и его «помощь» расследованию.....	22
История с публикацией журнала Forbes (Форбс).....	40
Роль Генерального прокурора Скуратова в расследовании.....	44
Удары по следствию.....	49
Следователи группы	51
Помощь зарубежных коллег следствию.....	53
Гримасы следствия.....	60
Странные перемены в следственном управлении Генпрокуратуры	62
Отставка	65
Мои следственные коридоры	72
Грустные размышления.....	85
Послесловие	88
Фотографии.....	90

Вступительное слово Ю.И. Скуратова

Дорогой Читатель!

Юрий Ильич Скуратов
Генеральный прокурор России
(1995 – 2000 гг.)

Перед тобой небольшая по объему, но чрезвычайно интересная по содержанию работа Петра Георгиевича Трибоя. Интерес к его книге определяется рядом обстоятельств.

Первое из них лежит на поверхности – основной материал книги посвящен одному из самых знаковых уголовных дел в криминальной истории современной России – убийству тележурналиста Владислава Листьева.

А поскольку это убийство не раскрыто до сих пор – оно продолжает оставаться в памяти миллионов россиян, и новая информация, связанная с этим делом, вызывает неподдельный интерес.

Другое обстоятельство связано с личностью самого Петра Трибоя. Речь идет не только об одном из самых подготовленных и грамотных следователей МВД и Генпрокуратуры России, но и об исключительно порядочном, принципиальном и честном человеке, твердо стоящем на позиции закона, чести и справедливости, что в современных условиях становится большой редкостью. Его судьба, жизненный путь, в своем большинстве прошедшие в период «лихих 90-х» дает объемное представление о сложностях и проблемах, с которыми столкнулась наша правоохранительная система.

Стоило большого труда уговорить П.Г. Трибоя взяться за перо. Впервые эта попытка была предпринята мною после встречи с Полом Хлебниковым еще в 2003 году, который рассказал мне о своей работе над книгой, посвященной убийству Листьева. Но, будучи по своей натуре скромным человеком,

Петр Георгиевич искренне полагал, что его соображения, мысли об особенностях работы следователя, тех нравах, что царили в правоохранительных ведомствах, не заслуживают столь пристального внимания.

И лишь аргументы об уникальности дела Листьева, необходимости донести до читателя истину, очистить от всякого словесного мусора реальные факты в условиях незавершенного расследования помогли исправить ситуацию, и усадить Петра Георгиевича за письменный стол. И это очень важно, поскольку именно он, как руководитель следственно-оперативной группы по этому делу, располагал наибольшим объемом оперативной и следственной информации.

Вместе с тем хотелось бы сразу предостеречь читателя, желающего получить «полный расклад» по этому делу, ознакомиться с самыми сокровенными тайнами следствия. Петр Георгиевич, будучи профессионалом «до мозга костей» отлично понимает, что убийство еще не раскрыто, дело, хотя и приостановлено, но еще не утратило окончательной перспективы раскрытия.

Люди, которые совершили это преступление, живут среди нас и жадно ловят любую информацию об этом расследовании, чтобы уйти от ответственности. Связанность следственной тайной и служебной этикой внесли определенные коррективы в работу П.Г.Трибоя, но не сделала ее менее интересной. В орбиту расследования, так или иначе, интересные личности, игравшие заметную роль в политической жизни России (Б. Ельцин, Т. Дьяченко, Б. Березовский, руководители правоохранительных органов страны и др.)

Их действия и поступки, неизвестные ранее широкому читателю, показаны автором. Он приоткрыл завесу и над некоторыми сторонами деятельности прокуратуры, по организации расследования уголовных дел, которые обычно редко кто освещает. Хотя и фрагментарно, но очень убедительно показан механизм противодействия следствию, с которыми так или иначе приходится сталкиваться сотрудникам правоохранительных органов при расследовании серьезных, общественно значимых преступлений.

Достаточно убедительно изложена сложная тема взаимоотношений следствия с журналистским корпусом в связи с убийством В. Листьева.

Разделяя справедливое возмущение и негодование коллег Влада по профессии, желание их иметь какую-либо информацию о ходе

расследования, фигурантах дела и т.д., автор не может обойти стороной и факты конъюнктурного использования этой информации в политических целях для оказания давления на правоохранительные органы.

У П.Трибоя, как и у автора этих строк, глубокое разочарование вызвало равнодушное отношение большинства представителей СМИ в связи с отказом Следственного комитета РФ возобновить расследование «дела Листьева» после получения сенсационных признаний руководителя Первого канала российского телевидения Константина Эрнста. Вот бы где реально вспомнить Влада и проявить принципиальность и настойчивость!

Следует особо подчеркнуть правдивость и объективность Петра Георгиевича при изложении всех событий. Он приводит абсолютно достоверные факты и дает им объективную оценку. Нельзя не отметить и внутреннюю скромность автора, который, по сути, был наиболее успешным следователем из тех, кто работал по данному делу и наиболее близко подошел к раскрытию этого преступления, не завершив расследование по независящим от него обстоятельствам.

Остается лишь сожалеть, что книга сравнительно мала по объему и автор не изложил и половины того, о чем знает. Но, надеюсь, что время сказать всю правду еще придет...

Действительный
государственный советник юстиции
Ю. И. Скуратов

Предисловие

Написать об одном из самых резонансных преступлений 90-х годов – убийстве известного тележурналиста Владислава Листьева меня просили еще лет 16 назад. Причем обращались и журналисты, и издатели, и люди, хорошо знавшие меня. По разным причинам долго не решался затронуть эту тему.

И даже с внутренним неодобрением согласился, хотя это не зависело от меня, с выходом в начале 2000-х годов книги бывшего Генерального прокурора России Юрия Ильича Скуратова под названием «Кто убил Влада Листьева».

Прошел 21 год со дня убийства Влада. За это время многое улеглось... Словом, «иных уж нет, а те далече». И нынешняя попытка рассказать о расследовании этого дела предпринимается не ради пиара. Никакой публичности мне не нужно, тем более, на фоне такого громкого преступления. Это было бы безнравственно по отношению к памяти убитого. Я никуда не собираюсь баллотироваться и не претендую ни на какие должности. Существуют устойчивые выдумки об этом расследовании, и считаю своей моральной обязанностью развеять хотя бы некоторые из них. И, если мне это удастся, то посчитаю, что настоящее повествование оправдало себя. Расскажу в основном о том, что осталось в моей памяти помимо моей воли. Марк Твен советовал: «Говори правду и тогда не придется ничего запоминать». Следуя мудрости классика, буду говорить только правду, потому что так легче вести рассказ.

Поведаю также о тех обстоятельствах расследования этого преступления, которые остались «за кадром». Чтобы читатель понял, о чем, приведу такой пример: следователь произвел обыск, допросил человека, выполнил другое следственное действие и в соответствии с уголовно-процессуальным кодексом составил протокол. В протоколе он обязан описать процессуальные действия в том порядке, в котором они производились и изложить заявления лиц, участвовавших в этом. При допросе показания допрашиваемого записываются по возможности дословно от первого лица. Между тем остаются многие нюансы, которые следователь не обязан заносить в протокол. Куда ты денешь личные ощущения, впечатления о конкретных людях и их поступках. Вот об этом и о другом, в том числе, пойдет речь в моем рассказе.

Или вот еще. Многие ли знают о том, что первые фигуранты «дела о банде новокузнецких киллеров Лабоцкого, Барыбина и других» были задержаны при проведении оперативно-розыскных мероприятий в связи с убийством Листьева.

Приняв затем дело «киллеров» к своему производству, блестящий старший «важняк» Генпрокуратуры РФ Валерий Евграфович Костарев довел его до логического конца. К уголовной ответственности были привлечены 32 человека, совершивших свыше сотни различных тяжких и особо тяжких преступлений. Из них более 40 убийств. То было время так называемых «лихих 90-х».

Помимо этого, немногим известно о том, что при расследовании убийства Листьева за совершение других серьезных преступлений были установлены и привлечены к уголовной ответственности более 10 человек, в отношении которых не получили достаточных, на тот момент, данных для того, чтобы выдвинуть обвинение по расследуемому нами делу.

Листьева лишили жизни вскоре после его назначения Генеральным директором ОРТ (Общественного российского телевидения).

Приведенные же выше факты указывают на то, что для криминального мира его убийство имело далеко идущие последствия. Оно нанесло сокрушительный удар и положило конец одной из самых жестоких киллерских банд того времени. Уже находясь среди тех, «кто ушел в вечность», Влад своей смертью, подвигнул правоохранителей к тому, чтобы прервать кровавый конвейер и снести голову опаснейшей гидре. Последовавшие аресты и привлечение к ответственности участников преступного сообщества, позволили сохранить не одну человеческую жизнь. В стране стало чище - на одну банду меньше.

Убийство Листьева

Первого марта 1995 года находился дома, когда вечером в экстренном выпуске канала НТВ телеведущая Татьяна Миткова сообщила, что только что в подъезде собственного дома на улице Новокузнецкая убит Генеральный директор Общественного российского телевидения, кумир, как она сказала, миллионов людей - Влад Листьев.

От этого грустного известия меня охватил некий холодок по телу, так как трудно было даже себе представить, что такое могло произойти именно с Листьевым. Влад был настолько популярен, что, казалось, ничего плохого с ним произойти не могло. Преступление буквально повергло в шок всю

страну, так как, без преувеличения, Влад был всенародным любимцем. О нем плакали многие.

Помимо сожаления о произошедшем, подумал - не «завидую» тому следователю, которому поручат расследовать это убийство. В то время я, старший следователь по особо важным делам Следственного комитета МВД России не мог и предположить, что спустя год и семь месяцев мне поручат возглавить следственно-оперативную группу, созданную для раскрытия этого беспрецедентного по общественному резонансу преступления. Воистину - неисповедимы пути Господни!

Как я оказался вовлеченным в орбиту этого необыкновенного расследования? В конце июля 1995 года уволился из МВД России. Уходил, в том числе, в связи с переходом в следственное управление Генеральной прокуратуры России.

Спустя несколько дней, в августе 1995 года был назначен следователем по особо важным делам.

Руководитель следственного управления Михаил Борисович Катышев ввел меня в состав следственно-оперативной группы, возглавляемой следователем по особо важным делам Владимиром Ильичом Старцевым. Незадолго до этого Старцев принял к производству уголовное дело об убийстве Листьева, которое он получил от Бориса Ивановича Уварова – старшего следователя по особо важным делам.

Первоначально Катышев определил мне один участок работы и, изучив предоставленные материалы, составил и согласовал подробный план следственно-оперативных действий, приступив к его исполнению. Естественно, что о результатах своей работы периодически отчитывался перед Катышевым и Старцевым. С учетом получаемых данных план каждый раз корректировался, намечались новые мероприятия, как следственные, так и оперативные.

24 октября 1995 года новым Генеральным прокурором РФ назначен настоящий доктор юридических наук, профессор Юрий Ильич Скуратов. В свое время он был одним из самых молодых докторов наук в бывшем Советском Союзе. Долгое время преподавал в Свердловском юридическом институте. Затем работал в государственно-правовом отделе ЦК КПСС. После отмены 6-ой статьи Конституции СССР «о КПСС, как о руководящей и направляющей силе нашего общества», Юрия Ильича направили работать

консультантом по правовым вопросам в КГБ СССР, а впоследствии в Министерство безопасности РФ. В 1993 году Скуратова назначили директором НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре. Входил в коллегия Генпрокуратуры РФ.

Жизнь всегда дает какие-то знаки - малопонятные в начале и очень объяснимые потом. Представлял коллективу вновь назначенного Генерального прокурора тогдашний Председатель Совета Федерации Владимир Филиппович Шумейко. Происходило это в Мраморном зале Генеральной прокуратуры на Большой Дмитровке. Репортаж об этом событии вели основные наши телеканалы: ОРТ, Россия, НТВ, ТВЦ. Вечером, просматривая новости, увидел и себя в зале. Мне не хватило места, и я встал в проходе около правой стены зала. Телеоператор, показывая зал, почему-то на несколько секунд задержал камеру на мне. Может быть, потому что стоял. Мог ли тогда предположить, что мне предстоит тесная работа с только что представленным Генеральным прокурором Юрием Ильичом Скуратовым? Что в дальнейшем дойдет дело и до того, что допрошу и самого назначаемого Генерального прокурора, признаю его затем потерпевшим. Правда, по другому уголовному делу. Замечу, что он будет не первым Генеральным прокурором, которого допрошу. В то необычное время, так получилось, что по разным обстоятельствам были допрошены Ильюшенко А.Н., Степанков В.Г., а затем и Скуратов Ю.И.

После прихода Скуратова по его предложению первым заместителем Генпрокурора назначили Юрия Яковлевича Чайку, а заместителем Генерального прокурора по следствию – Михаила Борисовича Катышева. По закону именно Чайка являлся вторым должностным лицом Генпрокуратуры. Отдавая должное внутреннему регламенту, мы - следователи, тем не менее, «первым после Бога» считали именно Катышева, поскольку и в процессуальном, и в надзорном плане замыкались исключительно на него.

Таким образом, в связи с новым назначением Михаил Борисович оставил следственное управление. Его новым руководителем назначили начальника отдела по расследованию бандитизма и умышленных убийств (в обиходе мы называли отдел «бандитским») Владимира Ивановича Казакова.

Как и Катышев, Казаков был опытным оперативным сотрудником, по характеру помягче Катышева, но также являлся человеком, преданным профессии, требовательным и деликатным руководителем. Пользовался у следователей непререкаемым авторитетом. Доброжелательный и сдержанный.

Надо отметить, что расследование убийства Листьева находилось на всех возможных контролях. Следственная работа заслушивалась у Катышева и Скуратова, оперативная - у первых лиц ФСБ и МВД.

Общие отчеты следствия и оперативной работы у Генпрокурора происходили с участием и этих руководителей. Мне говорили, что участвовал в таких заслушиваниях и Министр внутренних дел Анатолий Сергеевич Куликов. Когда же я отчитывался, то приходилось встречать руководителей МВД и ФСБ: соответственно Сергея Вадимовича Степашина и Николая Дмитриевича Ковалева. Иногда принимал участие и Юрий Яковлевич Чайка. Всегда присутствовали руководители Главного управления уголовного розыска и Главного управления по борьбе с организованной преступностью МВД, а также оперативного управления ФСБ.

Насколько мне известно, Генеральный прокурор, в свою очередь, докладывал о ходе расследования Президенту Ельцину. Знаю об этом, потому что периодически сам готовил обзорные справки Генеральному «для доклада Президенту».

Дело в том, что Борис Николаевич Ельцин очень близко воспринял убийство Листьева. По его указу незамедлительно от занимаемых должностей были отстранены начальник ГУВД Москвы Панкратов и прокурор Москвы Пономарев.

2 марта 1995 года Президент приехал в Останкино, выступил перед коллегами Влада. Он сказал: «Я не мог не прийти к вам в эту минуту. И склоняю голову перед вами, как один из виновников тех руководителей, которые недостаточно приняли мер борьбы с бандитизмом, коррупцией, взяточничеством и преступностью. Убийство Листьева – трагедия для всей России и Москва стала местом для бандитских убийств. Необходимо ужесточить борьбу с такими преступлениями». Ни прежде, ни потом Президент подобных извинений не приносил.

В октябре 1996 года, после очередного оперативного совещания по делу Генеральный прокурор, недовольный ходом расследования, поручил мне дальнейшее следствие. Сделано это было без всяких окриков и внешнего раздражения. Собственно, как убедился в дальнейшем, подобная манера поведения и не свойственна была интеллигентному Юрию Ильичу.

Он спокойно сказал: «Я не удовлетворен сегодняшним отчетом и результатами расследования дела в целом. Поэтому поручаю возглавить

следственно-оперативную группу следователю Трибою. Петр Георгиевич, примите дело к производству, внимательно изучите его, составьте новый план следственно-оперативных мероприятий. План в части оперативной работы обсудите с приданными силами ФСБ и МВД. Об исполнении доложите, срок - десять дней». После этого совещания, когда вышли из кабинета Генерального прокурора, мне показалось, что Володя Старцев вздохнул с некоторым облегчением. Не могу сказать, что это серьезное поручение Генерального прокурора в свою очередь обрадовало меня.

Разумеется, смена руководителя следственно-оперативной группы не ускорила расследование. Но в жизни бывают разные ситуации. Догадывался, что меня ждет тяжелая, изнурительная работа. И это обстоятельство как раз не пугало. Если вспомнить то непростое время, реакцию общества и руководства страны на это шокирующее убийство, то можно сказать, что оно было воспринято как своеобразный вызов, брошенный криминальным миром всем нам.

Обращало на себя внимание, прежде всего то, что на кону, как никогда ранее, чрезвычайно остро встал вопрос о профессиональной состоятельности тогдашних правоохранительных органов и в первую очередь следствия и оперативных служб. Им ничего иного не оставалось, как принять этот вызов и найти тех, кто осмелился так нагло нарушить общественное спокойствие.

Соответственно, распутывание нитей этого сложного дела означало, что мы чего-то стоим. Неудача же – ставила жирное пятно в служебной биографии не только каждого из нас, но и умаляла авторитет правоохранительной системы в целом.

Ведь государство только тогда может считаться нормальным, когда умеет защитить своих граждан и дать достойный отпор тем, кто пытается его подменить, устраивая самочинные расправы. По крайней мере, так мне виделась картина: дело беспрецедентное и ответственность за его судьбу соответствующее. Причем груз ответственности давил со всех сторон: от непосредственного начальства, от руководителей моих начальников, то есть от власти страны, от родных и близких Влада, от коллег покойного - журналистов, от простых людей, которых о расследовании регулярно информировали СМИ. С высоты сегодняшнего дня, могу сказать, что это следствие потрепала меня изрядно, как никакое другое. И это несмотря на то, что все дела, которые расследовал последние лет двенадцать моей трудовой деятельности, были особо важными.

В своем дальнейшем повествовании хочу сделать некоторые пояснения. Поскольку преступление об убийстве Листьева процессуально нельзя назвать раскрытым, то вынужден буду ссылаться только на факты, которые, по моему мнению, не навредят следствию. Оно (следствие) все же не завершено.

Итак, после того, как последние тома уголовного дела перекочевали из сейфов Старцева в мои, я полагал, что он мне еще расскажет о том, что лежало как бы «за кадром». Но вопреки моим ожиданиям, ничего такого Володя не рассказал. Заметил лишь, что все что есть – в томах дела. «Почитаешь и все поймешь», - сказал он. Откровенно говоря, такой бесхитростный ответ меня несколько удивил.

Не хочу бросать камень в чужой огород и да простят меня мои предшественники, но изучение дела вскрыло безрадостную картину. Признаю это обстоятельство с грустью, так как не исключаю, что и я в свою очередь что-то упустил, недоучел. И, если кто-то выдвинет какие-то обоснованные претензии – готов их принять. Но, что было, то было. Из песни слов не выкинешь.

Возбудил уголовное дело и осмотрел место происшествия следователь прокуратуры Москвы. Надо сказать, что осмотр места происшествия был произведен не очень тщательно. Повторный осмотр, к сожалению, не проводился. Как мне потом говорили, после осмотра уборщица, смывая с пола кровь Влада, обнаружила еще одну гильзу, которую затем передали следствию. Ни оперативники, следователь или другие участники этого важнейшего следственного действия, а уборщица нашла такую улику.

Имели место и другие огрехи. Например, при том же осмотре места происшествия применялась служебно-розыскная собака. В таких случаях кинолог по завершению розыскного действия составляет специальный акт с приложением соответствующей схемы маршрута работы розыскной собаки. О результатах и особенностях ее работы кинолог допрашивается. Может, кто-то посчитал, что это мелочи, но мне представляется, что в таких делах мелочей не бывает - все важно.

Здесь необходимо понять, что общеобязательными для всех следователей являются лишь Уголовный и Уголовно-процессуальные кодексы. Остальное, как ты планируешь свою работу и как выполняешь намеченное – это уже, как и строение почерка, у каждого свой. Один детально планирует все – до мелочей: план расследования дела в целом и каждого следственного действия в отдельности. Другой же может составить план менее скрупулезно и

пытается, что называется «держать в голове» детали. Хотя такой подход рискованный, особенно в хозяйственных делах – обязательно что-нибудь всплывет перед окончанием расследования.

Так вот в нашем деле выявились многие моменты, которые следовало бы давным-давно прояснить: либо исключить из поля зрения следствия, либо исследовать более скрупулезно.

Дело было в довольно «растрепанном» состоянии. Материалы подшиты были «как попало». По-другому и быть не могло, когда узнал, что их систематизацией в томах занимался помощник следователя ... студент 2 или 3 курса юридического института. Например, на обложках некоторых пронумерованных томов можно было прочесть надпись, сделанную простым карандашом - «пустые допросы». Когда поинтересовался у ребят-следователей, работавших в бригаде с первых дней, почему такое большое количество так называемых «пустых допросов», мне объяснили эту причину.

В первоначальный период следствия ежедневно или несколько раз в неделю подводились итоги работы за день, два, три или неделю. Один из важнейших вопросов был пресловутый вал: сколько человек допрошено за день, «почему сегодня допросов меньше чем вчера». Естественно, что ожидать какой-либо важной информации от таких «пустых допросов» не приходилось. Как выразился один из ребят, все шло как в известной поговорке «Кто в лес, кто по дрова», главное количество, вал. По мере ознакомления с материалами дела, я с нетерпением ждал, когда дойду до изучения самых серьезных материалов следственных действий, проведенных руководителями следственной группы. Каково же было мое разочарование, когда в итоге на два руководителя обнаружил ... два протокола допроса. Причем один из протоколов, составленный студентом-следователем, и вовсе не был подписан допрошенным лицом.

Удивили меня и такие моменты. Общепринято, что следственные действия с лицами, которые предположительно могут рассказать важные сведения: допросы, очные ставки, опознания, иногда и обыски, как правило, проводит руководитель бригады или равный ему по опыту следователь, но никоим образом не студент института или молодой неопытный следователь. Еще большее разочарование ожидало меня, когда увидел, что и наиважнейшие опознания одного из фигурантов дела были проведены тоже следователем-студентом. Я, во всяком случае, никогда бы не рискнул доверить такое архиважное следственное действие малоопытному товарищу.

Как говорят «Одна голова хорошо, а две лучше». А еще лучше много голов. При составлении нового плана решил использовать и коллективный опыт моих товарищей по следственной группе. Для этого предоставил все материалы для изучения еще двум опытным следователям группы.

В составленный мною план они внесли достаточно полезные дополнения. Прислушивался я к дельным советам, замечаниям и других следователей. Как правило, утром собирались группой обсуждали, кто, что будет делать. Вечером материалы следственных действий ложились у меня на стол. Я их изучал, планировал новые следственные действия, если возникала необходимость в таковых. Все это одновременно обсуждалось с членами следственной группы. Никогда не прибегал к давлению на следователей, так как считал подобное недопустимым. Поощрял и всегда приветствовал личную инициативу. А таковая могла возникнуть лишь при нормально налаженной рабочей обстановке, без стенания и гнева. Общеизвестно, что внутренне уважаем коллективом тот руководитель, который сам является примером в работе. А если только командовать и смотреть на своих сотоварищей как на винтики, то вряд ли чего-либо существенного достигнешь.

Новый согласованный с оперативными службами план был представлен Генеральному прокурору в срок. Он внимательно ознакомился с документом, сделал некоторые свои обоснованные замечания и оставил себе для контроля один экземпляр.

Особенности расследования

Кто-то из умных сказал, что «расследование – это цепь подозрений, которые требуют проверки. Приходится заходить во множество гаваней, пока не найдешь нужный порт».

Известно, что при расследовании любого преступления, как правило, потерпевший, его друзья и близкие товарищи, являются невольными союзниками следователя. В Уголовно-процессуальном кодексе РФ, принятом в 2001 году, это обстоятельство обозначено четче: потерпевший, наряду со следователем, прокурором, дознавателем, гражданским истцом, отнесен к участникам уголовного судопроизводства со стороны обвинения. Естественно, что при получении материалов у Старцева, поинтересовался, как сложились взаимоотношения с признанной потерпевшей женой Влада – Альбиной Владимировной Назимовой и его близкими товарищами.

Володя мне сказал, что отношений либо нет никаких, либо они плохие, неконструктивные и даже враждебные, граничащие с противодействием следствию. И вот почему: друзья Влада и сама Альбина не помогают следствию, позволяют себе в различных СМИ критические замечания в адрес Генеральной прокуратуры РФ и его руководства. «В общем, ведут они себя странно», - сказал он.

Эта информация не воодушевила меня. Но прочитанные материалы наводили на мысль, что Володя Старцев не так уж далек от истины. Что же делать, как быть? В таких случаях говорят, что, «если гора не идет к Магомеду, то Магомед идет к горе». Надо было как-то найти контакт с ними и «разговорить» их. Сейчас понимаю, что может быть, допустил тактическую ошибку. Мне надо было встретиться сразу с кем-либо из близких Влада, представиться, объяснить интересы следствия, да и просто познакомиться, посмотреть друг другу в глаза. Но я не мог не поверить своему товарищу, по мнению которого, разговор конструктивным не получится и на контакт с нами никто не пойдет. Надо было найти выход из этого критического и беспрецедентного положения. Не оставалось ничего, как выяснить причины, по которым близкие, друзья и товарищи Влада заняли такую странную позицию по отношению к следствию.

На изучение этих обстоятельств ушло около шести месяцев. Прямо скажу, это была не самая полезная работа для дела, хотя и она тоже принесла нам свои плоды. Ведь, если проверка следственным путем проведена и, хотя она и не дала положительного результата, тем не менее, это тоже результат – ты убедился, что «собака не здесь зарыта».

Постепенно, уже хорошо подготовленный к допросам стал встречаться с вдовой Влада, с его друзьями и близкими товарищами. Могу сказать, что практически все они оказались людьми разумными. Допрос ведь не самая приятная процедура в жизни человека и, наверное, если бы можно было бы его избежать, большинство из нас так и поступили бы. Не были, наверное, исключением и некоторые из упомянутых выше людей. Допрашивал их, как правило, с участием кого-либо из следователей группы. Это была своего рода и «стажировка» следователей для поручения им в дальнейшем других серьезных следственных действий. На вопросы допрашиваемые отвечали, не замыкались.

Все они, в основном, были людьми общественно известными, поэтому следователи группы поначалу несколько смущались. Но работа пошла хорошо. Честно говоря, не ожидал такого поворота событий. Однажды даже спросил очень известного человека, «что же вы раньше об этом не говорили?» И знаете,

что он мне ответил? «А кто нас внимательно слушал, Петр Георгиевич? Только теперь мы видим, что вы, следователи, к этому расположены». Выходит, что вина в том, что люди поначалу замыкались в себе, лежит и на нас следователях. Скажу вам, что никаких особых усилий, или каких-то доселе неведомых приемов не применяли. Допрашивали этих людей, как обычно. Естественно, относясь, как и к любому другому человеку с проявлением такта и уважения.

Считаю, что хорошему следователю не может быть свойственно высокомерие. Некоторые этим самоутверждаются, но это вредно для следствия и глупо для самого следователя.

По моему мнению, следователь должен быть, прежде всего, порядочным и искренним человеком. И эти, вызывающие доверие и надежность, человеческие качества, без выпячивания, должны быть естественным приложением к личности следователя. Человек, пострадавший от преступления, должен найти у следователя понимание, сочувствие и защиту. Эти люди должны видеть в лице следователя беспристрастного человека, который сделает все от него зависящее, чтобы справедливость восторжествовала. Очевидно, что, только обладая такими качествами, следователь может рассчитывать на ответное расположение людей.

Что же касается лиц, переступивших закон, то они должны видеть в следователе пример в соблюдении закона. То есть, правонарушитель должен понимать, что отвечает он только за те неправомерные действия, которые он действительно совершил и ни в коей мере за несовершенное. Потому что иное не воспитывает, а развращает людей и внушает им пренебрежение не только к нормам морали и нравственности, но и к законам.

Мне, например, приходилось получать письма из мест лишения свободы. В них мои бывшие обвиняемые благодарили «не за то, что я их привлек к ответственности, так как подобное, по их словам, не принято», а за проявленную к ним человечность и справедливость. Писали, что наше общение во время следствия позволило им по-другому взглянуть на жизнь. И они, освободившись из заключения, многое пересмотрят и будут жить по-другому. Помню, одно из таких писем от человека, осужденного за ограбление психически больных во время их перевозки в автомобиле «скорой помощи», отдал корреспонденту «Комсомольской Правды». К сожалению, не знаю, что журналист сделал с этим письмом, так как никакой публикации на эту тему не вышло.

При этом следователь должен иметь твердый характер, способный устоять перед давлением с любой стороны. Сдержанно и реально воспринимать несчастья, с которыми приходится сталкиваться.

В то же время в своей работе следователь ни в коем случае не должен быть «наивным, сервильным простачком», так как ушлые или отпетые «клиенты» сразу же заприметят эту особенность и непременно ею воспользуются.

Вспоминается случай из моей следственной юности, когда молодой коллега отпустил на три дня матёрую мошенницу, пожаловавшуюся на то, что ее арест совпал с началом менструационного цикла. Так она, естественно, скрылась. Правда, через полгода, устав прятаться, сама явилась к следователю. И он ее взял под стражу. Этим она преподала ему хороший урок на тему, кому и как доверять на следствии.

Соответственно в работе профессиональный следователь обязан быстро «найти ключик» к любому допрашиваемому и «настроиться с ним на одну волну». При этом также важно правильно закрепить процессуально результаты этой работы.

При осмотре трупа Листьева в карманах его одежды было обнаружено несколько банковских кредитных карт на его имя. Эти карты выдавались банками США, Швейцарии и Германии. Компетентным органам этих стран были направлены обращения об оказании правовой помощи.

Нас интересовали вопросы о том, на основании каких счетов в соответствующих банках были выданы кредитные карты, какие денежные операции по ним совершались, когда и где. Каковы остатки денежных средств на счетах, кто ими распорядился или распоряжается после убийства Влада.

Безусловно, эти обстоятельства следовало выяснить еще в самом начале расследования, а не спустя год и семь месяцев. Так же, как и установить точное время совершения убийства. Представьте себе, проведенные нами следственные действия позволили уточнить время совершения преступления, сдвинуть его на 25 - 30 минут от того, которое считалось установленным первоначально.

Казалось бы, какое это имело значение для следствия 25 - 30 минут плюс или минус? Считаю, что эти минуты имели чрезвычайно важное значение. Подумайте, какое алиби может создать себе преступник, будучи на автомобиле

в течение 25 – 30 минут. Вот почему было важно установить время совершения убийства с максимальной точностью.

Как же мы уточняли время убийства? Об этом всплывают в памяти следующие обстоятельства.

Следствие установило, что Ф. обнаружил труп Листьева в подъезде примерно в 21 час ровно или в 21 час 05 минут. Гематом и кровоподтеков на лице не было. Они появились спустя некоторое время.

Судебно-медицинский эксперт Н., имеющий стаж работы двадцать девять лет заявил, что после огнестрельного перелома обеих крыш орбит с множественными линиями, возможное время проявления гематом и кровоподтеков составляет от 10 до 15 минут (ранняя степень), а до полной выраженности – 30 минут.

И., кормящий ребенка всегда в 21 час, именно в это время услышал в подъезде несколько глухих ударов, звуки ударов о металлические ящики на первом этаже. Затем услышал топот ног и два или три хлопка, потому звук падения чего-то.

В. и С. сказали, что не позже 21 часа 05 минут им позвонили в дверь, просили о помощи. Они вышли и увидели, что Листьев лежал.

Гражданин Ц., возвращаясь с прогулки и, проходя мимо подъезда Листьева, посмотрел на часы. Время было 20 часов 59 минут. Автомобиль Листьева, который он знает, был припаркован около первого подъезда.

О времени совершения убийства были получены и другие убедительные доказательства, которые, по понятным причинам, не могу разгласить.

Чтобы ни у кого, никаких иллюзий не было, могу сказать, что следствие подробнейшим образом изучило жизнь Влада до его последней минуты. Причем исчерпывающе установили когда, где, с кем, какие встречи у него были и какие именно вопросы обсуждали. То есть, выяснили мы детально все, что могло представлять интерес для нас. Эти обстоятельства дали достаточно четкие очертания причин произошедшего. Можете себе представить, как следователи воспринимали попытки некоторых персон на допросах отодвинуть на словах подальше от даты убийства – 01 марта 1995 года, свои личные встречи с Владом. И в дальнейшем нам стало вполне объяснимо, почему и с какой целью такие потуги предпринимались.

Конечно, мы сильно удивились, когда в ходе одного из обысков обнаружили копию адресованного руководству швейцарского банка письма одного из сотоварищей Влада с просьбой не давать никакой информации следственным органам Генеральной прокуратуры России.

Цитирую по памяти с необходимыми купюрами: «...Мы ссылаемся на ходатайство, посланное российскими властями...по делу об убийстве господина Листьева. Мы предоставляем вам все полномочия для составления заявления с целью, чтобы информация, известная... и касающаяся следующих лиц, не была полностью выдана российским властям. Далее перечислены фамилии десяти человек из окружения Листьева, семь из которых очень известные люди. Заканчивается документ так: «Мы уж не говорим о том, что получение... информации относительно этих лиц (учитывая должности некоторых из них) может быть воспринято как источник для... преследования со стороны заинтересованных российских служб. Выражаю надежду на ваше понимание и помощь».

К счастью, эта превентивная мера не помогла, и мы, благодаря доброй воле наших зарубежных коллег, получили в полном объеме интересующие нас сведения, как из Швейцарии, так и из США и Германии. Оснований полагать, что кредитные карты имели какое-либо отношение к убийству Влада, в тот момент не было.

Многие из допрошенных нами лиц были людьми не «простыми» и, порой, сложно было договариваться с ними о необходимости явки на допрос. Однажды позвонил заместителю директора ФСК (ныне ФСБ) и одновременно начальнику управления ФСК (ФСБ) по Москве и Московской области генерал-полковнику Трофимову Анатолию Васильевичу. Представился и сказал, что необходимо встретиться и допросить его.

Слово «допрос» Анатолия Васильевича «взорвало» и он меня спросил, знаю ли я, кто он такой. Ответил, что я - не инопланетянин и, безусловно, знаю, какую должность он занимает, что и уважаю это обстоятельство. Тогда Анатолий Васильевич спросил, не мог бы приехать к нему в кабинет для допроса. Сказал, что этот вопрос для меня не очень принципиальный, но поскольку показания будут записываться на компьютере, то все же прошу, чтобы он отнесся с пониманием к моей просьбе. Когда Анатолий Васильевич сказал, что он тоже работал следователем, то я его «поймал, что называется, на слове», заметив – «неужели два следователя не могут договориться о допросе». Он немного смягчился, потеплел и предложил назвать время явки и адрес.

В назначенное время он явился и ответил на мои вопросы. Уходя уже, Анатолий Васильевич сказал, что вначале «погорячился», но это надо забыть. В свою очередь поблагодарил его за то, что он «выполнил свой гражданский долг». Анатолий Васильевич улыбнулся и ушел.

Взаимоотношения со средствами массовой информации

Совершенно очевидно, что расследование этого убийства постоянно находилось под пристальным вниманием представителей СМИ, следовательно, и общества. Нас часто критиковали и порой справедливо. С различными претензиями к следствию и прокуратуре выступали журналисты, друзья и товарищи Влада. Но, в прокуратуре либо отмалчивались, либо многозначительно, но неубедительно сообщали о ходе расследования с намеками типа - «виден свет в конце туннеля».

Мимо внимания следственной группы не проходила ни одна публикация в СМИ или передача на телевидение, так или иначе затрагивающая убийство Листьева. Скажу так, в основном, публикации эти пользы никакой расследованию не давали, наоборот отвлекали нас, следователей, от работы по реальным направлениям. Как выяснялось, не один раз появлялись заказные публикации с целью дезориентации следствия. Но игнорировать их мы не могли, так как читали газеты или смотрели телевизор и те, кому каждый из нас на своем уровне докладывал о расследовании. Более того, по ним возникали вопросы и у Генерального прокурора, и у Президента страны.

Кстати, фиксировали мы и попытки наших оппонентов проконтролировать ход расследования. Причем информаторы с докладами порой приезжали из других городов.

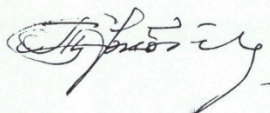
Мы понимали, что смотрели передачи по ТВ и читали публикации, а затем их обсуждали, в том числе и «люди», чье мнение об убийстве Листьева нас предельно интересовало. И было бы глупо не использовать эти обстоятельства. В том числе для того и существовало оперативное сопровождение расследования.

Иногда за информированием общественности следовали трагические случайности. Или не случайности. Все зависит от того, как посмотреть. Например, 10 августа 1995 года одному печатному изданию дал интервью заместитель Генерального прокурора Олег Иванович Гайданов, в котором заявил: исполнители уже известны. Буквально на следующий день в одном из

отелей Тель-Авива обнаружили труп человека, который представлял для следствия существенный интерес. Полагаю, такое трагическое совпадение не случайно.

С одобрения моих руководителей решили поменять порядок взаимоотношений со СМИ. Исходили из того, что убит известнейший журналист и понятно, что это убийство привлекает огромное внимание его коллег, да и общества в целом. Поэтому люди имеют право знать в рамках дозволенного, без ущерба работе, как продвигается расследование. Тем более что мы, следователи, не сидели, сложа руки, а продолжали напряженно работать, и нам было что сказать.

После встречи с обозревателем газеты «Известия», специализирующимся на журналистских расследованиях, Игорем Корольковым, в номере от 27 февраля 1998 года вышло мое первое интервью, озаглавленное автором «Это не политическое убийство» с подзаголовком «Следствие по делу Листьева вступило в стадию, когда руководителю следственной бригады угрожают».

Генеральному прокурору Российской Федерации Действительному государственному советнику юстиции Скуратову Ю.И.
РАПОРТ
Докладываю, что 10 февраля 1998 года в 14 часов 04-05 минут во время моего нахождения в рабочем кабинете N 204 по служебному телефону 202-59-00 раздался телефонный звонок. Я поднял трубку и мужской голос спросил Петра Георгиевича, на что я ответил: "Слушаю Вас". Далее мне было заявлено буквально следующее: "Не советую тебе играть с жизнью, с тобой может случиться то же, что и с покойным, понял?", после чего неизвестный бросил трубку. Я ничего не успел сказать.
Происшедшее, по моему мнению, является еще одним косвенным подтверждением, что следствие идет в правильном направлении. До этого, за время расследования дела об убийстве Листьева, в мой адрес никаких открытых угроз не раздавалось, были только намеки что "могут убить".
Докладывается для Вашего сведения и принятия мер.
Следователь по особо важным делам Генеральной прокуратуры Российской Федерации
 Трибой П.Г.
старший советник юстиции

Рассказал о том, чем мы занимаемся, какие подвижки имеются в деле, какие проблемы и претензии у нас в свою очередь имеются. Естественно, постарался ответить на вопросы без вреда для продолжающегося расследования, поскольку знали, что среди читателей будут и те, кого мы ищем. Полагал, что лучше самому рассказать, что можно, чем молчать и дать повод для разного рода слухов и небылиц. Ведь считалось, что «раз молчат и проглатывают», значит, положение совсем худо – следствию нечего сказать. На самом деле это было вовсе не так.

Давал я интервью еще по одной причине, о которой должны догадаться только оперативные работники.

После этой публикации многие журналисты стали обращаться ко мне, минуя центр общественных связей Генпрокуратуры. Зачастую, если можно было отвечать на их вопросы, я отвечал. Помню, как журналистка популярного издания сказала мне: «Петр Георгиевич, если не хотите отвечать на мой вопрос, то я все равно напишу и выполню задание редакции. Но, напишу от себя, - что в голову придет». Я сказал, что на вопросы, на которые могу ответить, - всегда ей отвечу. Другое дело, что по объективным причинам не на все вопросы могу ответить, даже если и знаю ответы. Существуют интересы и тайна следствия, а они превыше всего. Убит ваш коллега, разве вы не хотите, чтобы злоумышленники за это ответили?

Постепенно поток критики в адрес следственной группы и Генеральной прокуратуры стал спадать. Этому способствовало и то, что сам Генпрокурор Скуратов тоже был открыт для журналистов и зачастую комментировал то или иное обстоятельство по делу. Иногда впоследствии он утверждающе спрашивал меня: «Я ведь ничего не разгласил? Вы мне намекните, если что».

Допросы Березовского Б.А. и его «помощь» расследованию

Так вышло, что допросы Бориса Абрамовича Березовского заняли особое место в расследовании. И не только потому, что он являлся чрезвычайно известной медийной персоной. Необычный оттенок следственным действиям с его участием придавали и различного рода слухи, версии, которые муссировались в то время в СМИ, как о нем самом, так и о его взаимоотношениях с Листьевым. Словом, сам вызов Березовского на допрос уже являлся событием, дававшим повод журналистам для всяких размышлений. Может быть, и сам Борис Абрамович не рад был этому, но такова была его известность.

К этому времени он занимал пост Заместителя секретаря Совета безопасности РФ. Как помнится, это был не первый его допрос по делу Листьева. После того как по телефону пригласил его, мне позвонил Заместитель Генерального прокурора РФ Катышев и уточнил это обстоятельство.

Впоследствии Михаил Борисович рассказал, что Борис Абрамович позвонил ему и сообщил, что его «вызывает на допрос по делу Листьева следователь Трибой». Катышев ответил ему: «Идите, Борис Абрамович, не бойтесь, Трибой Вас бить не будет, он человек корректный, но дело свое знает». В ответ, Борис Абрамович ему заметил: «Вечно Вы шутите, Михаил Борисович». После допроса при телефонном разговоре или при случайной встрече Борис Абрамович заметил Катышеву, что «следователь действительно корректный, но не простой». Одним словом, дал понять, что ему было сложно на этом допросе.

Надо отдать должное Борису Абрамовичу или его советникам, он, несмотря на свое положение «большого начальника», никогда не уклонялся от вызовов к следователю, не создавал искусственных препятствий к явке и с пониманием относился к этому. Когда звонил ему, он лишь переспрашивал «когда и во сколько явиться?» Создавалось впечатление, будто Бориса Абрамовича всю жизнь допрашивали, и эта процедура стала для него привычной. В то же время, такое его понимание невольно вызывало уважение представителей следствия.

Помню, однажды он незначительно опаздывал к оговоренному времени. И тогда Борис Абрамович позвонил мне, извинился, сказал, что находится в кабинете у министра внутренних дел РФ Куликова Анатолия Сергеевича и как только освободится, тут же приедет на допрос. Был ли он на самом деле у Куликова А.С., не проверял.

И тогда, и потом задавал себе вопрос, почему Березовский в отличие от других людей такого «крупного калибра» так бесконфликтно являлся к следователю. И почему с таким пиететом относился к вызовам на допрос. Нахожу этому такие возможные объяснения:

Первое – может быть такое нормальное реагирование на наши вызовы у Бориса Абрамовича сложилось после процессуальных действий, которые проводились с ним в связи с взрывом его автомобиля в 1994 году.

Кто-то из коллег говорил, что в том деле поначалу Борис Абрамович «сильно упирался всяким допросам» и «со скрипом» приходил к следователям. Видимо, он кое-какую «обкатку» по части общения со следователями все же прошел.

Второе – вероятно, Борис Абрамович, как человек, по его утверждениям, либеральных взглядов, смотрел «тамошние» (западные) фильмы, в которых допросы высокопоставленных лиц, в том числе и глав государств, правительств, не являются проблемой для правоохранительных органов. А, если таких допрашивают, то почему меня не могут.

Третье – он был свежим, не застойным начальником и, вероятно, как руководитель не успел заматереть. То есть, по должности он уже был Заместителем секретаря Совета безопасности РФ, а по своей ментальности еще оставался заведующим лабораторией.

Четвертое – Борису Абрамовичу, что бы о нем не говорили, не откажешь в том, что он все-таки был умным человеком. И зачем ему было ссориться со следствием? Кто знает, к чему или к кому оно приведет.

Не могу сказать, что на допросе Борис Абрамович вел себя, как на исповеди. Внешне он был спокоен и даже хладнокровен. Ничего в его поведении не выдавало в нем волнения. Наоборот, мне казалось, что он с интересом предвкушает вопросы, которые последуют.

Он, на мой взгляд, воспринимал их как некий соревновательный вызов. Говорил, как всегда быстро и порой не успевал уловить смысл сказанного. Приходилось повторять вопросы и уточнять его ответы. И надо сказать, что поражали некоторые ответы Бориса Абрамовича. Это было что-то из области фантастики. Они «камня на камне не оставляли» и вдребезги разбивали мнение о том, что Борис Абрамович умеет логически мыслить.

Но в таких случаях, видимо, он соглашался быть заподозренным в том, «что несет пургу», чем правдиво отвечать на вопрос, поскольку цена каждого слова была чрезвычайно высока. Такие его «странные» ответы следовали тогда, когда нужно было говорить конкретно, недвусмысленно и без философствования. Ну, скажите Читатель, зачем Борису Абрамовичу было нужно отрицать очевидные факты и, тем самым, ставить под сомнение достоверность всех своих показаний? Это производило примерно такое же впечатление как, если бы он на допросе, предъявляя свои документы на имя

Березовского Бориса Абрамовича, стал бы заявлять и убеждать меня в том, что он не Березовский, а Иванов Иван Иванович.

Борис Абрамович многое «запамятовал», хотя по обстоятельствам дела должен был помнить некоторые факты со стопроцентной вероятностью. Например, выясняли мы вопрос о том, когда он последний раз виделся с Листьевым. Казалось бы, ответ на вопрос лежал на поверхности. В ночь с 28 февраля на 01 марта 1995 года в офисе «ЛогоВАЗа» на Новокузнецкой улице у Бориса Абрамовича была длительная беседа с Владом. Тем не менее, он ответил, что видел Листьева за неделю или за 10 дней до убийства. Безусловно, что такое избирательное «беспамятство» (здесь помню, а здесь не помню) наводило следствие на определенные раздумья, так как, вероятно, не самые добрые побуждения вынуждали его занять такую позицию.

Причем, насколько помню, о дате последней встречи с Листьевым у Бориса Абрамовича были расхождения даже в сравнении со своими предыдущими (до меня) показаниями.

Теперь, когда его нет среди нас, могу сказать, что по тактическим соображениям не выяснял, почему его показания содержат такие существенные противоречия в части последней встречи с Владом. Этот факт наряду с аналогичными шли в накопление «критической массы» для будущих следственных действий с Борисом Абрамовичем. Ныне эти вопросы «повисли», их уже некому задавать.

Испытывая очередное серьезное затруднение с ответом на вопрос, Борис Абрамович, сослался на ст. 51 Конституции РФ и сказал, что не будет давать показания. Заметил ему, что это действительно его конституционное право. В то же время сказал, что такое простительно обычному человеку, а ему со своими большими регалиями вряд ли оправдано ссылаться в этой ситуации на Конституцию РФ. Дело в том, что с этим протоколом может ознакомиться Генеральный прокурор РФ, а он в свою очередь, «об игре в молчанку на допросе» может доложить Президенту Ельцину Б.Н.

Как сейчас помню, Борис Абрамович, после некоторого раздумья, произнес: «Тогда придется отвечать». И тут же раздраженно задал мне риторический вопрос: «Ну, и что же я вам должен ответить, Петр Георгиевич, на этот ваш вопрос?» И ответил. Другое дело, насколько он правдив был при этом.

На словах, конечно, Борис Абрамович представлял себя как самый заинтересованный человек в том, чтобы мы «установили и привлекли к ответственности всех негодяев, причастных к убийству Влада». Говорил, что готов оказать следствию любую посильную помощь, потому что в лице Листьева он лично потерял «очень близкого человека».

На деле же все происходило наоборот. Борис Абрамович лукавил, играл с нами и как мог, своим поведением помогал как раз тем, кто представлял для нас обоснованный интерес. Помогая нашим оппонентам, Борис Абрамович включал весь свой мощный арсенал политических, административных и неформальных возможностей. Причем в попытках сдерживать расследование от напущенной либеральности Бориса Абрамовича оставался один грубый и расчетливый реализм. Здесь уже нам, следствию, было не до шуток.

Нужно сказать, что к 1997 году наши ушлые оппоненты стали использовать факт нераскрытия убийства Листьева, как «дубину», которой периодически обихаживали Генпрокуратуру.

Для них второстепенным было само раскрытие преступления, главное, был повод – к чему прицепиться публично. Дескать, у них дело Листьева не раскрыто, а они еще имеют наглость приставать к нам (хорошим) с какими-то требованиями. Для этого наши «друзья» не брезговали ничем.

Ситуация с этим и другими «громкими» уголовными делами намеренно переводилась в политическую плоскость. Информация препарировалась так, будто Генпрокуратура являла собой средоточие коммунистов и ретроградов, мешающих передовым реформаторам провести в стране успешные политические и экономические реформы. Надо сказать, что порой им удавалось вызвать у Президента страны негативную реакцию.

Помните знаменитую выволочку, которую в прямом эфире весной 1998 года устроил Президент Ельцин Б.Н. Генеральному прокурору Скуратову Ю.И.: «Дисциплины в прокуратуре нет, руководство ею осуществляется не Генеральным прокурором, а со стороны. Убийцы Меня, Холодова, Листьева не найдены».

Для меня и моих коллег не является большой загадкой факт того, кто мог настроить Президента к беседе в таком тоне на всю страну с Генеральным прокурором.

В тот же день, после этой встречи у Президента, меня вызвал к себе Генеральный прокурор. Моим сотоварищам, которые тоже все видели по

телевизору, сообщил, что меня вызывает Генеральный прокурор. Подумали, что нас ожидают неприятности и меня, скорее всего, отстранят от дальнейшего расследования.

По пути от Благовещенского переулка (наш офис) до улицы Большая Дмитровка (офис Генпрокуратуры), честно говоря, душу терзали сожаления, что значительно сделано и немного времени не хватило, чтобы расставить все по своим местам.

С другой же стороны – думал, ну и черт с ним (безадресно), что же я могу поделать, отстранят – хоть выплусь для начала по-человечески. Дадут другое дело – менее «громкое» и с более очерченной перспективой. Подышу свободнее, так как измотало меня это дело.

Прибыв в кабинет к Скуратову Юрию Ильичу и, поприветствовав его, обратил внимание, что он на чем-то сосредоточен, но никак не разгневан. Генеральный, как всегда корректно, уточнил некоторые детали расследования, но на словах никаких претензий мне не предъявил. Я подумал, что не делает он этого из деликатности. Тогда, чтобы «облегчить ему задачу» сказал, что видел по телевизору как прошла его встреча с Президентом и в связи с прозвучавшими в наш адрес претензиями, готов написать рапорт о своей отставке.

Юрий Ильич, прервав меня, сказал, что по телевизору не показали его ответа Президенту. Он расценил замечания Президента как рабочий момент и сказал, чтобы следственно-оперативная группа продолжила работу в том же темпе.

Особенно невзлюбил Борис Абрамович одного из ключевых замов Генпрокурора - Катышева, которого заподозрил в связях с коммунистами. Хотя это было не так. Наоборот, у Катышева были близкие родственники, которые пострадали в годы сталинских репрессий. Дело в том, что поздравить с 50-летием к Катышеву в кабинет среди других депутатов Госдумы РФ, в том числе и от партии «Яблоко», пришел и депутат, бывший прокурорский работник, ныне покойный Илюхин В.И. И, несмотря на то, что у Катышева «особых» отношений с этим депутатом не было, Бориса Абрамовича это уже не интересовало, поскольку не укладывалось в придуманную им канву – о коммунистичности Катышева.

О Генпрокуроре Скуратове Ю.И. Борис Абрамович, по-моему, в «Коммерсанте» выразился еще жестче и грубее, сказав, что «это полностью

коммунистическая скотина». Тоже не могу согласиться с Березовским. За все время работы под руководством Скуратова никогда и ни от кого не слышал, чтобы он давал указания по какому-либо уголовному делу «сделать поблажки или какие-то исключения для коммунистов».

Иногда «помощь» Бориса Абрамовича по делу Листьева приобретала характер форменного издевательства и презрения к следствию.

К 1997 году он овладел значительным контролем канала ОРТ (Общественное российское телевидение). Обязанности Генерального директора исполняла Пономарева К.Ю., считавшаяся близким к Березовскому человеком.

Помню, я направил Ксении Юрьевне запрос с просьбой сообщить, когда и кем в 1995 году объявлено решение об отмене рекламы на ОРТ. По нашим данным, это сделал Листьев незадолго до убийства. Просил я направить следствию видеозапись с выступлением Влада об отмене рекламы и документы о его назначении Генеральным директором ОРТ и само решение об отмене рекламы на бумажном носителе. Казалось бы, простенький, ничем не угрожающий запрос, почему бы не ответить на него. Тем более, для Пономаревой в запросе речь шла о преступлении, лишившей жизни ее предшественника, к тому же, являвшегося Березовскому «близким человеком».

Но, не тут-то было. Ответа на свой запрос я добивался около шести месяцев и получил его после неоднократных напоминаний. Честно говоря, в связи с таким безобразным отношением к законному запросу иногда меня посещала мысль, а не вынести ли мне постановление о производстве обыска на ОРТ. Но не хотел скандала с непредсказуемыми последствиями.

В итоге в один из дней из юридического отдела ОРТ курьером был доставлен бумажный пакет, в котором находилась видеокассета без сопроводительного письма. При просмотре этой кассеты, интересующего меня выступления Листьева не оказалось. На кассете была запечатлена видеозапись одного выступления лидера КПРФ Зюганова Г.А. и одной передачи программы «Человек и закон». Я так понял, что это был такой тонкий издевательский «привет» от Бориса Абрамовича, так как вряд ли сама Пономарева придумала бы такую каверзу.

Когда удавалось, Борис Абрамович сам наносил прямые удары по прокуратуре и по следствию по делу Влада соответственно.

25 марта 1998 года в газете «Комсомольская Правда» опубликовано на целую газетную полосу большое интервью Березовского, которое он дал журналисту Андрею Ванденко. Причем не случайно внизу был набран подзаголовок большими выделенными буквами **«Прокуратура демонстрирует полное, тотальное бессилие в расследовании дела Листьева»**. Естественно в интервью была затронута и тема расследования уголовного дела об убийстве Листьева.

И вот что Борис Абрамович ответил. Цитирую:

Корреспондент: «Я почему о здоровье спросил? После вашего стремительного отъезда за границу возникла версия, что подобную поспешность спровоцировала врученная вам повестка с вызовом на допрос по делу Листьева.

Березовский – Не могу сказать, что такое предположение обидно для меня – понимаю, кто и с какой целью распространил эту ложь, однако, выводы из случившегося я решил сделать, больше подобное без последствий оставлять не буду.

Корреспондент: То есть?

Березовский: «У меня есть самые серьезные претензии к правоохранительным органам. Они не подтверждают распространяемую дезинформацию, но и не опровергают ее. Прокуратура демонстрирует полное, тотальное бессилие в расследовании дела Влада, при этом часть переданных мною материалов, которые могли бы указать на конкретных преступников, попросту игнорируется. Подчеркиваю, речь идет не о моих предположениях, а о фактах, кассетах с аудио – и видеозаписями. Называл я и фамилии продолжающих работать в органах людей, занимавшихся шантажом и получавших за это деньги».

Корреспондент: «Вас шантажировали?»

Березовский: «Именно. Увы, все мои заявления пропускают мимо ушей. Дальше это я терпеть не намерен.»

Корреспондент: «А у вас есть собственное мнение о том, кто виновен в гибели Листьева?»

Березовский: «Подозрения у меня существовали давно, раньше они были смутными, сейчас окрепли. Склоняюсь к тому, что убийство 1 марта 1995 года на совести российских спецслужб. Повторяю, не могу утверждать этого категорически, но все указывает на то, что мое предположение верно.»

Корреспондент: «Работники спецслужб могли быть исполнителями чужого приказа, но вряд ли они выступали заказчиками убийства».

Березовский: «Я говорю не об исполнителях, а именно об организаторах преступления.»

Корреспондент: «И какова мотивация?»

Березовский: «Все предельно просто – желание поставить под контроль ОРТ. У меня есть факты, свидетельствующие в пользу этой версии.»

Корреспондент: «Происки незабвенного Александра Васильевича Коржакова?»

Березовский: «Не хочу назвать сегодня имена – я указываю направление. Но коль скоро фамилия прозвучала, могу утверждать, что мне не понаслышке известно кое-что о деятельности упомянутого вами господина. Я задним числом анализировал отдельные высказывания Коржакова, сделанные в моем присутствии, и пришел к выводу, что, скажем, в деле с покушением на Бориса Федорова, президента Национального фонда спорта, не обошлось без участия Коржакова и Барсукова. Это их работа. Полагаю, что Отари Квантришвили расстался с жизнью после того, как приговор на его отстрел одобрил Коржаков и сотоварищи. Да и погром в квартире журналиста Минкина наверняка имеет то же авторство.»

Корреспондент: «Но мы говорим о Владе.»

Березовский: «Собственно, я все сказал. В переданных мною материалах отчетливо видна рука спецслужб.»

Корреспондент: «Семейная и рекламная версии убийства кажутся вам бесперспективными?»

Березовский: «Не верил и не верю в семейный след. Рекламная версия тоже не представляется мне состоятельной. Слишком уж активно пытались её навязать. В таких вопросах смешно полагаться на интуицию, но в данном случае ни на что другое я опереться не могу, а интуиция подсказывает, что Сергей Лисовский к этому делу не причастен. Я его давно и хорошо знаю, когда-то мы занимали противостоящие позиции, играли на одной поляне. Это жесткий бизнесмен, но не было случая, чтобы Сергей перешел предел даже порядочности, не говоря уж о том, в чем его сегодня пытаются обвинить, проводя, насколько мне известно, определенную работу.

Если уж так говорить, то прекращение показа рекламы на ОРТ весной 95-го года – это моя идея. Мною ставилась простая по цели задача – разрушить рекламный рынок на 1-ом канале, чтобы занять там собственное место. Да мое предложение было сложно воспринято Владом – к таким методам вхождения в рынок тогда никто не прибегал... Честно говоря, я не в курсе, имели Влад какие-то личные обязательства, но как генеральный директор ОРТ он точно был чист: во-первых, не успел бы наделать долгов, во-вторых, все хорошо знали ситуацию и понимали, что реальные рычаги управления телеканалом находились не в руках Влада. Поэтому разборки с Листьевым в этом контексте выглядели бы очень нелогично.

Нет, рекламная версия ведет в тупик. Бизнес-интересы Влада здесь ни при чем. Тогда уж должны были покушаться на меня.»

Корреспондент: «Кстати, чем закончилось расследование эпизода со взрывом на Новокузнецкой улице летом 94-го, когда погиб ваш телохранитель, а вы чудом остались живы?»

Березовский: «Результатов никаких, хотя в моем присутствии Ельцин отдал команду тогдашним руководителям ФСБ и МВД взять это дело на особый контроль. Следствие заглохло, но есть любопытные обстоятельства, объединяющие покушение на меня с убийством Листьева. Именно эти факты я и сообщил спецслужбам. Поскольку моя информация усиленно замалчивается, намерен огласить ее самостоятельно – с фамилиями, с фактами, с датами».

«Всем сестрам - по серьгам» роздал в этом интервью Борис Абрамович. Показал себя информированным человеком, разбирая варианты, над которыми, по его мнению, работает следствие. Безусловно, мы рассматривали все версии, которые имели под собой объективную мотивацию. Но, насколько помню, после этого интервью мы допросили его очередной раз, с тем, чтобы он «расшифровал» нам, что имел в виду, когда говорил о «причастности спецслужб» и о «переданных материалах с аудиовидеозаписями».

И, если мне память не изменяет, вот что примерно Борис Абрамович ответил. На вопрос о «причастности спецслужб» к убийству Листьева, заявил, что имел в виду двух работников милиции, которые вместе с неким Плехановым обманули его 28 февраля 1995 года - накануне убийства Листьева на сто тысяч долларов США. Эти трое, якобы обещали Борису Абрамовичу получить в дальнейшем аудиозапись, которая содержала бы сведения о лицах, совершивших покушение на него самого в июне 1994 года. Когда я спросил

Бориса Абрамовича, понимает ли он разницу между работниками милиции и представителями спецслужб, он ответил утвердительно.

На вопрос о том, почему же он обвинил представителей спецслужб, тогда как в ситуации, о которой он говорил в интервью, участвовали милиционеры, Березовский ничего не нашел что ответить. По его словам, он передавал правоохранителям именно аудиовидеозаписи, фиксирующие предварительные беседы и передачу денег за будущую информацию о покушении летом 1994 года на него самого.

Мне думается, что лейтмотивом этого хлесткого интервью Березовского «о причастности спецслужб» была ситуация о том, «как поссорились Борис Абрамович с Александром Васильевичем» (прим. авт. **Коржаковым А.В.**) Пока тот возглавлял Службу безопасности Президента РФ - были мир и покой. Когда позиции Александра Васильевича пошатнулись, начались выяснения отношений и различные обвинения. Но и заодно, почему бы не лягнуть прокуратуру и следствие по делу Листьева, да пожестче.

В декабре 1998 года следственная группа провела серию результативных обысков по делу и этот факт очень возмутил и встревожил не на шутку не только обыскиваемых, но и Бориса Абрамовича. Нам стало известно, что он обещал «поймать» коварное следствие и Генпрокуратуру в программе «Время». При этом Борис Абрамович «на все сто процентов» грозился для «наказания» следствия и его руководителей задействовать своих друзей по имени Таня, «которая была у него на трубе», и Валя, «который был рядом».

Весьма серьезная информация, о вовлеченности Бориса Абрамовича в процесс противодействия следствию. Не думаю, что он не понимал, в какое противостояние втянулся и по какому именно делу собирается «воевать» с правоохранителями.

Вполне понятно, что включился он в этот процесс для того, чтобы так или иначе «помочь» проходящим по делу фигурантам и, может, и «себе родимому». По-человечески, я бы мог понять Бориса Абрамовича, если бы у него была бы достоверная информация о вопиющих нарушениях уголовного и уголовно-процессуального закона с нашей стороны. Но ведь таких фактов попросту не было. К тому же он знал нашу приверженность соблюдать, а не нарушать закон.

Примечание № 1: Вероятно, что под Таней и Валею, Борис Абрамович подразумевал Советника Президента РФ по имиджу Татьяну Борисовну Дьяченко и Руководителя Администрации Президента РФ Валентина Борисовича Юмашева.

Вот кому бы в тот период найти более достойное применение такой неумной энергии. Программа «Время» тогда транслировалась главным телевизионным каналом страны – ОРТ (Общественным российским телевидением).

Ныне – это Первый канал российского телевидения. И обещание «поймать нас» в этой программе, прямо указывало на того, кто являлся истинным «хозяином» этого канала и одновременно предупредительно демонстрировало «тяжелую артиллерию», которую он намеревался задействовать для борьбы со следствием. Поневоле приходишь к выводу, что в то время государство было частично приватизировано и Борисом Абрамовичем.

Какие еще мысли могут возникнуть, когда государственных служащих – следователей, прокуроров, оперативников собираются «мочить» несправедливо по телевизионному каналу, контрольный пакет акций, которого принадлежал государству.

Надо сказать, что наши оппоненты в борьбе со зловредным следствием не ограничились только намерениями «проучить» нас в программе «Время». Они придумали целую систему мер по «отваживанию» следствия.

Оперативные работники сообщили мне, что после этих же обысков на одной квартире, хозяин специально разбросал вещи и книги на пол, а затем пригласил для съемки тележурналистов, которым всю обстановку выдал за незаконие следствия при производстве обыска. После одной демонстрации, кажется, по каналу НТВ, репортажа из этой квартиры меня пригласил начальник управления Казаков и спросил, что происходит. Доложил ему имевшуюся у меня оперативную информацию «об инсценировке». Затем со мной связался корреспондент «Интерфакса». Ему тоже объяснил ситуацию с обыском в этой квартире. При этом предупредил, что мы представим доказательства того, что следователи не имеют никакого отношения к продемонстрированному беспорядку в квартире. Наши «доброжелатели» поняли серьезность намерений следствия и больше не показали по ТВ этот надуманный «беспредел следствия».

Что же касается Бориса Абрамовича, то нужно сказать, что гибкий ум заставлял его в свою очередь тоже «прощупать» следователя. Как мне показалось, в его представлении о нас преобладал так называемый классовый подход к следственным органам. То есть, он мыслил по-большевицки наоборот. По моему мнению, он видел почти во всех нас

адептов коммунистического режима, готовых, без раздумья, выполнить любое указание, «спущенное сверху». Конечно же, такое малопочтенное представление о нас ничего общего с действительностью не имело.

Однажды, после некоторого раздумья, он спросил меня: «Петр Георгиевич, а как Вы относитесь к богатым людям?» И, думаю, что я его разочаровал своим ответом, когда сказал, что отношусь к богатым людям безразлично, то есть никак. Я человек небогатый, но абсолютно никакой зависти к богатым у меня нет. Меня полностью устраивает моя профессия и ничего в своей судьбе менять не хочу. Предпринимательская же деятельность, заметил я, порой сопряжена не только с материальными, но, в то время, и опасными для жизни рисками. Предприниматели не гарантированы от так называемых «наездов» не только бандитов, но и санэпидемстанций, правоохранителей, пожарных и прочих, и прочих. То есть, чему завидовать-то? Им (предпринимателям) или бизнесменам еще награды нужно давать за стойкость, что занимаются бизнесом.

Тогда Борис Абрамович, спросил меня - и многие из моих коллег думают, так как я о предпринимателях. Ответил, что мы, следователи, не с Луны свалились, являемся обычным срезом общества. И среди нас есть люди разных убеждений, но так как мы департизированы, то нам запрещено на службе проявлять свои политические пристрастия. Как мне показалось, этот ответ несколько удовлетворил Бориса Абрамовича и по нему было видно, что он как-то уютнее себя почувствовал.

Кстати, по поводу моего «богатства». В то время как-то раз у меня дома оказался известный журналист Александр Хинштейн. С ним были еще двое моих коллег. Саше стало любопытно, как живет следователь по особо важным делам Генеральной прокуратуры и открыл дверь встроенного стенного шкафа в коридоре моей однокомнатной квартиры. Когда он увидел, что там висят 5 – 6 мужских рубашек, два не новых костюма и моя прокурорская форма, Хинштейн, открыв рот от удивления, произнес: «Я понял, почему ты внутренне такой бесшабашный».

Как показало течение жизни, у Березовского Б.А. были свои тайны об убийстве Листьева, и он их старательно скрывал.

В январе 2016 года в Интернете был опубликован доклад сэра Роберта Оуэна по делу о смерти Александра Литвиненко. Чрезвычайно любопытна и важна для моего повествования новая информация, содержащаяся в пунктах № № 3.28 и 3.29 доклада сэра Оуэна. Она частично проясняет причину, почему

Березовский Б.А. «воевал» с нами и грозился использовать свою «увесистую артиллерию» из тогдашней Администрации Президента РФ.

Цитирую п.3.28: «Другим важным событием в развитии отношений между ними (имеется в виду Березовский и Литвиненко) стало убийство человека по имени Влад Листьев в марте 1995 года. Листьев в то время был популярным в России телеведущим и возглавлял независимый телеканал ОРТ, который контролировал Березовский. Марина Литвиненко изложила обстоятельства этого эпизода следующим образом.

Милиция вошла в офис Березовского с целью арестовать его по обвинению в убийстве Листьева. Березовский сообщил об этом Литвиненко, который прибыл в офис и помешал милиции задержать Березовского. Она сказала, что и Березовский, и Литвиненко опасались, что в случае ареста - Березовского могут убить, когда он будет находиться под стражей. Рассказывая о тех событиях, Березовский говорил, что Литвиненко достал оружие и обратился к милиции: «Если попытаетесь взять его, я вас убью...».

Пункт 3.29 доклада сэра Роберт Оуэн изложил в следующей редакции: «У меня, безусловно, нет возможности установить обстоятельства того дела и определить правых и виноватых, как и решить, был ли Березовский каким-то образом причастен к убийству Листьева (этот вопрос, насколько мне известно, до сих пор вызывает споры). Кроме того, разрешение таких вопросов не находится в пределах компетенции данного Расследования. О чем я могу сказать и что определенно отвечает текущим целям – этот эпизод ознаменовал новый этап в развитии дружеских отношений между Литвиненко и Березовским. Более того, Березовский оказался в долгу перед Литвиненко.

Как заявила Марина Литвиненко во время устных свидетельских показаний: «В конце концов, Борис Березовский не раз говорил, что Саша спас ему жизнь, за что он ему очень благодарен». Оплата этого долга – важный контекст последующей истории Литвиненко с бегством из России в Великобританию и его жизни здесь».

Здесь самое время произнести известное изречение: «Платон мне друг, но истина дороже».

Во-первых, я помню, что в уголовном деле об убийстве Владислава Листьева данных о том, что кто-то из моих предшественников пытался арестовать Березовского Б.А. по обвинению в убийстве Листьева, не было.

Следовательно, этот вывод сэра Роберта Оуэна сделан на основании недостоверных фактов.

Но напрашиваются другие мысли после констатации сэра Роберта Оуэна о том, что «вмешательство Литвиненко и защита офиса Березовского от обыска, ознаменовала новый этап в развитии дружеских отношений между ними».

В свое время, журналист, ныне депутат Госдумы РФ Александр Хинштейн 20 июня 2006 года опубликовал статью под названием «Тайна “Атолла”, часть I Секретный архив Березовского заговорил...». И вот что пишет он о Березовском и его офисе «ЛогоВАЗ» на Новокузнецкой улице.

«Березовский собирал компромат на всех: и на врагов, и на друзей, ибо друзей в политике не бывает по определению. На попавших ко мне пленках записаны разговоры Черномырдина, Рыбкина, Дьяченко, Юмашева, Наины Ельциной, Лебеда, Абрамовича, и прочая, прочая.

— Мы разрабатывали практически весь бомонд, — признается сегодня создатель и многолетний руководитель “Атолла” Сергей Соколов. — Борис не делал исключения ни для кого. Он приказывал контролировать даже своих ближайших друзей — на всякий случай, если вдруг они разругаются в будущем, чтобы потом всегда иметь возможность их шантажировать. Это касалось и Дьяченко с Юмашевым...

— Начиная с 1995 года мы стали круглосуточно записывать все разговоры в Доме приемов “ЛогоВАЗа”. Особняк на Новокузнецкой был тогда эпицентром политической жизни. К Березовскому ежедневно приходила масса людей, весь цвет, начиная от Черномырдина и Татьяны Борисовны (Дьяченко. — А.Х.) и заканчивая половиной Думы.

Помещения тоже контролировались. В зале, где проходило большинство встреч и тусовок, стояли каминные часы, оборудованные скрытой камерой. Мы сделали их сами, как и все остальные устройства. Запись включалась с карманного брелока.

А в Борином кабинете технику мы вмонтировали в настольную лампу. Когда он зажигал свет, начиналась видео и аудиозапись. Плюс к тому были еще и переносные устройства. Другие настольные часы, письменный прибор, огромный калькулятор. Если ему требовалось кого-то записать, он приносил их с собой...

По этим записям, сделанным в доме приемов, можно проследить всю новейшую историю России, самые яркие, эпохальные события».

И вот, что я думаю. У меня нет оснований сомневаться в достоверности этой публикации. Она объясняет, почему Березовский так рьяно защищал свой офис от обыска и привлек для этого вооруженного Литвиненко. Получается, что если бы обыск был произведен, то могла бы быть обнаружена и изъята возможная запись беседы Листьева с Березовским в ночь с 28 февраля на 01 марта 1995 года – накануне убийства. Почему так боялся Борис Абрамович и почему сравнил помощь Литвиненко в защите офиса от обыска с тем, что тот «спас ему жизнь». Не потому ли, что возможно тот помог «похоронить тайну» убийства Листьева, по поводу которого к Борису Абрамовичу могли возникнуть очень серьезные и неприятные вопросы?!

К слову, вспоминается, что Володя Старцев рассказывал мне о том, что в начале следствия Александр Литвиненко попытался развить свою активность на ниве «раскрытия убийства Листьева», но как персоне, приближенной к Березовскому, во избежание сплетен и утечки информации в допуске к делу тому было отказано.

В целом же, говоря об этих «проделках» Бориса Абрамовича, хочу отметить, что какой-либо неприязни к нему не испытывал. Исходил из того, что как писал Гегель «Крот истории, (а в нашем случае – крот следствия **примечание автора**) роет медленно, но роет хорошо». Он, вероятно, выбрал борьбу с нами способом своей защиты. Что же, имел на это право. Скорее, я относился к нему как к некоему собирательному образу Жозефа Фуше наших тогдашних реалий.

Вот как Стефан Цвейг в своем романе «Жозеф Фуше» описывает последнего. «Жозефа Фуше, одного из могущественнейших людей своего времени, одного из самых примечательных людей всех времен, не любили современники и еще менее зерно судили о нем потомки. Наполеон на острове св. Елены, Робеспьер, обращаясь к якобинцам, Карно, Баррас, Талейран (*1) в своих мемуарах, все французские историки - будь то роялисты, республиканцы или бонапартисты, - едва дойдя до его имени, начинали писать желчью.

Предатель по натуре, жалкий интриган, пресмыкающийся льстец, профессиональный перебежчик, подлая полицейская душонка, презренный, безнравственный человек - нет такого клеймющего, такого бранного слова, которым бы его обошли; ни Ламартин, ни Мишле, ни Луи Блан (*2) не делают серьезной попытки изучить его характер, или, вернее, упорное, поразительное

отсутствие характера. Подлинные очертания его облика появляются впервые в монументальной биографии Луи Мадлена (*3) (которой этот труд, равно как и другие исследования, посвященные этому вопросу, обязаны большей частью фактического материала); история же совершенно спокойно отодвигала в задние ряды незначительных статистов этого человека, руководившего в эпохи смены двух миров всеми партиями и оказавшегося единственным среди политиков уцелевшим в бурях тех лет, человека, победившего в психологическом поединке таких людей, как Наполеон и Робеспьер.

Иногда его образ мелькает в пьесе или оперетке, посвященных Наполеону, но в большинстве случаев он фигурирует там в затасканной схематической маске прожженного министра полиции, этакое предтечи Шерлока Холмса: в плоском изображении роль закулисного деятеля всегда превращается во второстепенную роль.

Только один человек с высоты собственного величия увидел и все своеобразное величие этой единственной в своем роде фигуры: то был Бальзак. Этот большой и проницательный ум, видевший не только внешний покров событий эпохи, но и всегда заглядывавший за кулисы, прямо признал Фуше самым интересным в психологическом отношении характером своего века».

Долго размышлял, рассказать или нет и об этом факте. Думаю, что он может быть, тоже связан с Борисом Абрамовичем Березовским. В конечном итоге решил поделиться и этим. Случай, относящийся уже к периоду моей адвокатской практики.

Итак, в один из дней в вечернее время примерно в июне 2007 года на мой мобильный телефон раздался звонок без определения номера звонившего абонента. Я ответил.

Состоялся следующий разговор: «Алло, это Петр Георгиевич?» «Да», - ответил я. Далее мужчина с голосом, похожим на голос Бориса Абрамовича, произнес: «Это Борис Березовский».

Опешив от такой неожиданности, спросил, откуда у него номер моего телефона, на что собеседник ответил, что мир тесен и нет особого труда, узнать номер моего телефона. Далее поинтересовался, чем же моя скромная персона заслужила его внимание. Он мне ответил, что хотел бы, чтобы я принял его защиту в Савеловском районном суде Москвы, где вскоре должно начаться рассмотрение уголовного дела по обвинению в мошенничестве.

При этом было сказано, что выплата гонорара за мой адвокатский труд может быть совершена, в том числе, и в одном из западных банков. Я должен назвать ему только размер гонорара, чтобы заключить соглашение о защите его прав и интересов.

Заметил собеседнику, что предложение, конечно заманчивое, но согласиться с ним не могу, поскольку наши предыдущие встречи не располагают к тому, чтобы заключить с ним такое адвокатское соглашение. Сказал, что для меня возникают препятствия морально-этического порядка, и я не хочу ни перед кем оправдываться. Правовых оснований для запрета на такое соглашение нет, но, во-первых, дело шумное, а во-вторых, все-таки мы встречались при других обстоятельствах. В ответ собеседник лишь выразил сожаление - «очень жаль, очень жаль» и пожелал мне удачи. На этом наша беседа закончилась.

Не берусь утверждать, был ли собеседник на самом деле Борисом Абрамовичем Березовским. Однако, голос и манера разговора («скороговоркой») были очень похожи. Не исключаю и розыгрыша, поскольку как потом узнал из СМИ, Борис Абрамович запретил своим российским адвокатам участвовать в этом процессе и его интересы представлял защитник по назначению, то есть государственный защитник.

Но такой странный разговор состоялся и находившийся рядом со мной человек, услышал, что разговор был с мужчиной, которого я называл Борисом Абрамовичем. И тоже предположил, что разговаривал я с Березовским. Причем, когда недавно стали вспоминать об этом разговоре очевидец разговора вспомнил, что Борис Абрамович в беседе употребил еще и слово «фраер», но не смог объяснить, в каком контексте. К сожалению, эту деталь беседы, я позабыл. Может, мое поведение назвал этим словом.

Думаю, что если звонивший был на самом деле Березовский, то, по всей видимости, неприязни по отношению ко мне у него тоже не было.

И еще. Общеизвестно, что Борис Абрамович был мастером по выстраиванию всякого рода логических цепочек и комбинаций для реализации намеченных планов. Может быть, он рассчитывал преодолеть возникшие неприятности с помощью моих бывших коллег?! Во всяком случае, тот звонок так и остался для меня загадкой.

История с публикацией журнала Forbes (Форбс)

В американском журнале «Форбс» 30 декабря 1996 года была опубликована статья под названием «Наиболее влиятельный человек в России». Статья была посвящена Борису Березовскому, - предпринимателю и большому «начальнику» в России. Автор статьи - американский журналист Пол Хлебников.

Затрагивалась в ней и тема убийства Владислава Листьева. В частности, гадательно сообщалось, что «когда Листьев объявил о намерении прекратить коммерческую рекламу на канале ОРТ, предприниматель Сергей Лисовский запросил 100 миллионов долларов США в счет возмещения убытков. Листьев нашел одну европейскую кампанию, желающую приобрести права на размещение рекламы на ОРТ. Он же попросил Бориса Березовского выступить в качестве трансфертного агента и передать Лисовскому 100 миллионов долларов США. Березовский взял наличные и обманул Лисовского. В результате Листьев был убит».

18 февраля 1997 года в интервью собственному корреспонденту газеты «Комсомольская Правда» в Нью-Йорке Андрею Баранову редактор журнала «Форбс» Джеймс Майлс заявил, что одним из главных принципов журнала «Форбс» является абсолютная достоверность публикуемой информации. Журнал проводит скрупулезную и многостороннюю проверку каждого факта, каждой цифры, прежде чем «выбросить» в печать. В этом отношении «Форбс», наверное, самый осторожный журнал в мире. Статья с подробностями о причинах убийства Листьева не является исключением, и редакция может подтвердить все изложенные в ней факты.

В связи с этой публикацией компетентным органам США было направлено обращение об оказании правовой помощи, которое предусматривало допрос лиц, собравших материал об убийстве Листьева, проведение выемки и направление нам материалов, послуживших основанием для публикации подробностей об этом убийстве.

Примерно в конце февраля – начале марта 1998 года на наше обращение мы получили ответ из ФБР США. Из этого ответа следовало, что автор публикации Павел Хлебников не хочет представлять в распоряжение компетентных властей какие-либо материалы, раскрыть свои источники, сославшись на возможную угрозу их личной безопасности.

В то же время господин Хлебников согласился обсудить вопросы, которые возникли у следователей Генпрокуратуры России в связи с информацией, содержащейся в его статье, при условии, что в собеседовании примет участие специальный агент ФБР США.

После телефонного звонка, как понял, из Нью-Йорка, 12 марта 1998 года ко мне явился автор статьи Пол или Павел Хлебников. Прямо скажу, очень ждал этой встречи, наверное, больше чем сам Хлебников. Грешным делом, надеялся, что вот он принесет материалы, на основании которых написана статья, и для нашей следственно-оперативной группы открывается финишная прямая в расследовании. Но, как известно, легких путей в жизни следователей не бывает.

Как помню, никаких условий о чем-либо еще присутствии при собеседовании он не выдвинул. Разговаривали мы долго. Я его не торопил. Беседа проходила в корректной, доброжелательной атмосфере. Все ждал, когда он начнет выкладывать мне доказательства. Но это не происходило и тогда спросил Павла, есть ли у него фактические материалы под умозаключения, которые изложены в его статье. Павел мне сказал, что информация, которую он опубликовал, содержится в!!! - моем уголовном деле и он ее получил от неких участников расследования дела.

Заметил Павлу, что как руководитель следственно-оперативной группы, знаю содержание материалов следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, но что-то не припоминаю что-либо из опубликованных им данных.

Затем Павла просто понесло в какие-то дебри. Он мне заявил, что убийство Листьева связано с политикой и как только будут установлены высокопоставленные виновные, то следственным органам, то есть нам, их не дадут привлечь к ответственности. Павлу сказал, что если он намекает на Бориса Березовского, то в случае обнаружения таких доказательств его вины не вижу никаких препятствий к тому, чтобы ставить вопрос об аресте того. Но только при наличии доказательств! От Генерального прокурора и его заместителя по следствию у меня имеется полная поддержка и, надеюсь, никто в этом никаких препятствий не будет чинить.

В конечном итоге у меня сложилось мнение, что у Хлебникова нет никаких материалов, которые бы помогли нашему расследованию. А, если он чем-то и располагает, то догадками и предположениями, своими или мнимых участников расследования убийства Листьева, которых он отказался

назвать. Об этом, в том числе, было доложено Генпрокурору Скуратову. При этом хочу подчеркнуть, что прощались мы с ним по-хорошему, улыбаясь, без каких-либо намеков на внутреннее неприятие. Я поблагодарил Павла Хлебникова за встречу. Мне и в голову не приходило, что встреча ему крайне не понравилась.

Вот как сам журналист Хлебников описывает нашу встречу в своей книге под названием «Крестный отец Кремля – Борис Березовский, или История разграбления России». «Однажды вечером в начале 1999 года (Прим. автора – встреча реально состоялась в 1998, а не в 1999 году) я встретился с Петром Трибоем, следователем по особо важным делам Генеральной прокуратуры. Он вел следствие по делу об убийстве Листьева, которое тянулось уже четвертый год. В кабинете было мрачно и тихо, как в могиле. Трибой, с бледным лицом бюрократа, в сером костюме образца советской эпохи, признал, что следствие застопорилось. Ни одно из направлений расследования ни к чему не привело; всё проверили, и всё безрезультатно. Создавалось впечатление, что Трибой смирился с поражением. Настораживало и другое: судя по всему, он не вполне понимал ключевые обстоятельства дела, особенно нюансы рекламного бизнеса на ОРТ, который, по мнению большинства, и был причиной убийства Листьева».

Глубоко сожалею, что Павла Хлебникова нет в живых, но эти его утверждения не соответствуют действительности. Ни с каким поражением в тот период не смирился и о том, что «следствие зашло в тупик» ему не говорил. А негативное описание моего кабинета и моей внешности – комментировать не буду.

Видно, что Павел Хлебников был склонен к достаточно вольной и эмоциональной интерпретации событий и фактов. На самом деле, посвятил он мне более злой и уничижительный фрагмент. Но, случайно знавшие меня издатели его книги заметили Павлу, что люди, которые знакомы со мной, просто не поверят в то, что он написал про меня. И тогда Павел оставил в своей книге только вышеуказанный отрывок.

Что же, каждый из нас имеет право на высказывание своего мнения. Хотелось бы, чтобы все-таки мнение человека основывалось на действительных фактах, а не на заблуждениях и ошибках.

Должен отметить, что по обстоятельствам, изложенным в этой публикации журнала «Форбс» очередной раз был допрошен в качестве свидетеля и Борис Березовский. В своих показаниях он полностью отверг

утверждения, содержащиеся в статье «Форбса». Заявил, что обратился в Лондонский суд с иском о защите чести и достоинства.

Кстати, как впоследствии стало известно из СМИ, Березовскому удалось убедить суд, что в журнальной публикации он необоснованно обвинен в том, что стоял за убийством Владислава Листьева. По поводу других претензий было заключено мировое соглашение с ответчиком – журналом «Форбс» в 2003 году.

02 февраля 1999 года по просьбе главного редактора «Комсомольской Правды» Владимира Мамонтова я дал этой газете большое интервью, посвященное расследованию убийства Листьева. Редакция поместила публикацию под громким названием «Отставка Скуратова – крест на «деле» Листьева»?

В принципе, с названием интервью редакция попала в цель, так как от преемника Скуратова никакой поддержки я уже не ощущал. К тому же Катышева перевели на другой участок работы, не связанный с надзором за следствием. «Надзирать за уборщицами», как шутили остряки. И что мне оставалось делать в тех условиях? Надувать щеки и делать вид, что ничего не произошло, не мог. Стал понимать, что «захожу в тупик» и, к сожалению, за мной туда потянется и следствие. Былой и так нужной поддержки уже не было.

В своих ответах я также дал свою критическую оценку и публикации Павла Хлебникова в журнале «Форбс». Не знаю, так ли это, но «злые языки» говорили, что вроде бы Борис Абрамович использовал это мое интервью в Лондонском суде.

Задали мне и вопрос о том, как оцениваю прошение об отставке своего шефа Скуратова. Ответил так, цитирую: «Я и мои коллеги глубоко сожалеем об этой отставке. Мне известно, какое давление испытывал он со стороны определенных сил, пытавшихся воздействовать на следствие. У него хватало мужества и дипломатического такта отстаивать независимость прокуратуры. Объективно отставка Скуратова выгодна тем могущественным фигурам, которые в последнее время оказались в поле пристального внимания правоохранительных органов и подозреваются в коррупции. Защищая интересы людей и государства, он сам оказался незащищенным. Я надеюсь, что Совет Федерации при обсуждении прошения Юрия Ильича об отставке не будет втянут в «политику» и у губернаторов хватит решительности и независимости, чтобы не идти на поводу у лиц, заинтересованных в его отставке».

Роль Генерального прокурора Скуратова в расследовании

Теперь хотел бы кратко сказать о роли Генерального прокурора Скуратова в этом расследовании. Как-то прочитал, что было несколько причин, по которым Скуратову «свернули шею» и освободили от занимаемой должности. И одна из них – расследование убийства Листьева. Может возникнуть вопрос, а причем тут Генеральный прокурор, он, что сам расследовал дело?

Следствие вели подчиненные ему следователи, а не он. Но я оцениваю роль Генерального прокурора в этом расследовании, как чрезвычайно важную и максимально полезную. И вот почему.

Чем дальше мы продвигались с расследованием, тем больше Юрий Ильич вовлекался в его ход. Он знакомился лично с материалами наиболее важных следственных действий, с результатами оперативно-розыскных мероприятий. Обсуждал с нами и был в курсе практически всех наших намерений, что называется, «в режиме онлайн». Своими встречами и звонками первым руководителям правоохранительных ведомств он иногда дублировал наши письменные поручения о том или ином оперативном мероприятии и усиливал их значимость.

Надо сказать, что при докладах «схватывал он все на лету» и обладал феноменальной памятью. Однажды во время очередного доклада по делу сообщил ему и о незначительной ситуации (не архиважной для дела). Каково же было мое изумление, когда месяца через три он вспомнил об этом и спросил, чем завершилась «та проблема». Про себя подумал, он же Генеральный прокурор, как может помнить и такой незначительный момент?

Как-то после очередного доклада Юрий Ильич в присутствии других коллег пошутил: «Петр Георгиевич, если раскроешь убийство Листьева, я распоряжусь, чтобы тебе поставили бюст у фонтана во дворе прокуратуры на Большой Дмитровке и прикажу, чтобы изваяли и очки». Не знаю почему, но в ответ у меня вырвалось тоже в шутку: «Да, будет Юрий Ильич нам памятник, только, мне кажется, из грязи». К сожалению, моя шутка оказалась провидческой.

Запомнил еще такую особенность того времени. Как позиционировал себя Генеральный прокурор в тогдашней системе «сдержек и противовесов». Как-то возникли вопросы к Руководителю Администрации Президента РФ

господину Юмашеву. Понятное дело, «большой человек» и, по моему мнению, нужно было действовать через Генпрокурора. Причем ситуация была такая, что ее можно было прояснить либо путем допроса Юмашева, либо путем направления запроса ему же. И с этой проблемой обратился к Генеральному прокурору РФ. Выслушав меня, Юрий Ильич заметил, что это не его уровень разрешения и мне следует самому определиться, как сочту целесообразным: или допрос или запрос. Остановился на втором варианте. Щекотать свои нервы лишний раз не было никакого желания.

Где-то в декабре 1998 года Юрий Ильич пригласил к себе, расспросил о ходе следствия, о проблемах и затем дал мне указание подготовить ему подробную справку с выкладкой доказательств на каждого из фигурантов дела. Такую справку подготовил и представил Генеральному прокурору.

Спустя несколько дней при очередной встрече Юрий Ильич сообщил, что он виделся с Татьяной Борисовной Дьяченко и Валентином Борисовичем Юмашевым. Цель этой встречи – предостеречь их от дальнейших контактов с фигурантами нашего дела. В случае возможного ареста последних – это невольно могло бросить тень на семью Президента. Как он сказал, Татьяна Борисовна рассеяно выслушала его и покивала головой, как бы в знак понимания.

Между тем, по продолжавшемуся поведению интересующих нас персон становилось ясно, что никакого понимания предостережения Юрия Ильича не нашли. Наоборот, как он говорил впоследствии, для него стало очевидно, что у наших «клиентов» есть мощная «крыша» и это следует хорошо учесть.

Но какой выбор был у меня - следователя при таких обстоятельствах? Выбора никакого не было. Продолжил свою работу с этим безрадостным познанием. В моем положении после угроз убийством по телефону, ночного поджога двери по месту жительства, различного рода неприятности могли поджидать и дальше. Одной больше или меньше – это кардинально уже ничего не меняло. Понимал, что предстоит еще нести и нести этот крест. В самом деле, не мог же я прийти с жалобой к Скуратову или Катышеву, сказав им, вы знаете, мне тяжело или я боюсь, дайте мне дело полегче.

Генеральному прокурору
Российской Федерации

Скуратову Ю.И.

РАПОРТ

Докладываю, что 29 января 1999 года, примерно в 1 час 15-20 минут, находясь по месту жительства по адресу: г. Москва, ул. _____, был разбужен сильным запахом дыма и гари в квартире. Включив свет, обнаружил, что квартира заполнена дымом. Выбежал в коридор и увидел, что коридор, как и лестничная площадка на 12 этаже тоже были заполнены дымом. Там же увидел дочь и зятя соседки - _____ (следователя по особо важным делам Генеральной прокуратуры РФ). Они тушили горевший косяк входной двери на этаж слева от выхода из лифта. Открыв подъездное окно, посмотрел вниз и около подъезда увидел стоявший автомобиль черного цвета марки «Волга ГАЗ-31» или «БМВ», к которому от нашего подъезда направлялся человек в короткой куртке темно-серого цвета. На улице шел мягкий снег, который быстро таял. По отчетливо оставленному следу, определил, что автомобиль подъехал к подъезду незадолго. Сверху, с 12 этажа также увидел на снегу две дорожки следов обуви, которые вели от подъезда к автомобилю и наоборот. Дочь моей коллеги - _____ еще спросила, не против меня ли устроена эта провокация. Желая ее успокоить, ответил, что это банальная хулиганская выходка. Этот вопрос и ответ на него отвлекли меня секунд на 15 и когда вновь посмотрел вниз, обнаружил, что автомобиль отъехал от подъезда.

Прямо связать произошедшее с находящимся в моем производстве уголовным делом об убийстве В. Листьева не могу, но с учетом имеющихся в деле доказательств и предпринятых в декабре 1998 года против некоторых фигурантов дела мер процессуального принуждения, не исключаю, что они (фигуранты) тоже предприняли в отношении меня «свои меры пожарного принуждения».

Докладывается в порядке информации.

Следователь по особо важным делам
Генеральной прокуратуры России
29 января 1999 года

Трибой П.Г.

Не буду скрывать, мы примеряли с точки зрения достаточности доказательств для заключения под стражу еще нескольких фигурантов дела. При этом «держали в уме» замечание Генпрокурора об их мощной «крыше».

И тогда думал, и сегодня подтверждаю, что наличие «крыши» ставил на второе место по отрицательным издержкам, которые возникли бы в случае возможного ареста подозреваемых.

Хочу сказать, безотносительно к делу Листьева, что всегда достаточно «экономно» относился к применению арестов в качестве меры пресечения. Как правило, если можно было оставить подопечного под подпиской о невыезде, то избирал подписку.

Во-первых, в такой ситуации человек мог рассчитывать на наказание, не связанное с лишением свободы. Как известно, тюрьма не самое хорошее место для воспитания людей.

Во-вторых, аресты не только повышают градус ответственности следователя, но и создают ему лишние неудобства. Например, ты уже никогда не сможешь вызвать подозреваемого, обвиняемого по телефону или повесткой. Надо самому тащиться в следственный изолятор, простоять очередь и подождать пока тебе его доставят. Конечно, в расследуемом деле эти правила были трудно применимы.

При этом на первом месте я все же ставил вопрос о достаточности доказательств, для того, чтобы выдвинуть соответствующее обвинение. Дабы точнее представить положение, надо перенести время на 18 лет назад. Профессионалы очень хорошо поймут, о чем я говорю. Судебная практика тогда была другая. Следователи не так часто находили понимание в судах. В голове всегда мелькала мысль, а вдруг суд не поддержит твое обращение и что тогда?

Поверьте, очень хорошо знаю, о чем говорю, уже как московский адвокат с четырнадцатилетним стажем. Теперь, представьте, что произошло бы, если после ареста, суд не стал продлевать срок содержания под стражей наших клиентов. Думаю, что в этом случае по дальнейшим перспективам дела был бы нанесен непоправимый удар. Это раз. Второе – фигуранты узнали бы к кому и какие претензии имеются. Как известно, кто владеет информацией – тот владеет ситуацией. При таком небогатом выборе – мне меньше всего хотелось уступить инициативу нашим оппонентам.

Иной умник скажет, значит, у тебя не было доказательств, поэтому ты и боялся ставить вопрос об аресте. Нет, это не так. При таких «друзьях» у наших клиентов, их административных и неформальных возможностей нам нужны были не только более чем достаточные доказательства, но и гарантии

справедливого разбирательства. К сожалению, на тот момент ситуация была оценочная и она могла повернуться как в одну сторону, так и в другую – неблагоприятную для следствия.

Ну и последнее. Кто знал, что Скуратова скоро уберут? Как же радовались наши «друзья» и их окружение, когда узнали о его отстранении и переводе Катышева с надзора за управлением по расследованию особо важных дел! Не передать словами их эмоции. Многие ликовали, узнав, что «убрали тех, с которыми так и не смогли найти общий язык».

Конечно, увольнение Юрия Ильича из прокуратуры стало для дела, примерно тем же самым, что происходит с кораблем, оставшимся без руля и ветрил. Это выражение из поэмы Лермонтова "Демон" означает событие или явление, не имеющее ни ясного направления движения (развития), ни управления этим движением. То есть, мы основательно встали.

Агентство ИНТЕРФАКС 01 марта 1999 года опубликовало мое краткое интервью, в котором сказал, что «...недавняя отставка со своего поста Генпрокурора Скуратова может отрицательно отразиться на ходе расследования данного убийства».

«Принципиальная позиция Скуратова, его каждодневная помощь позволяли нам преодолевать многочисленные препятствия, с которыми сталкивалось следствие, в том числе и угрозы физической расправы».

Теперь стал понимать, что ожидать какую-то помощь в ходе дальнейшего расследования от будущего главного начальника ведомства не стоит. И особенно убедился в этом, когда в газете «Московский комсомолец» от 16 сентября 1999 года прочитал публикацию опять же Александра Хинштейна под названием «Он будет лояльным» с подзаголовком «Так олигархи говорят о будущем Генеральном прокуроре». Из этой статьи также стало ясно, что позиции нашего «добродетеля» Бориса Абрамовича Березовского в Генеральной прокуратуре РФ значительно усилились.

К тому же в начале февраля 1999 года в развитии этой же отрицательной ситуации столкнулся с тем, что меня перестали знакомить с результатами оперативно-розыскных мероприятий, проводимых по моему поручению по уголовному делу, находящемуся в моем производстве?! Большого абсурда, наверное, не бывает. Оперативники мне сообщили, кто ввел этот запрет. Помочь мне в той обстановке никто уже не осмелился.

Собственно, то, что не ошибался в мрачных перспективах расследования, подтвердилось при личном общении с новым начальником управления по расследованию особо важных дел Генпрокуратуры РФ Лысейко В.О.

В беседе Владимир Онуфриевич, хитро прищурившись, высказался в том смысле, как я понял, что дело Листьева потеряло свою актуальность.

Удары по следствию

Ниже расскажу о вопиющих фактах, с которыми столкнулось следствие. Не ищу никаких оправданий, но не рассказать об этом тоже было бы несправедливо.

Выше я уже писал о «помощи» следствию со стороны Бориса Березовского – далеко не последнего человека в тогдашней политической иерархии страны.

Но имело место и откровенное предательство интересов этого дела. «Когда тебя предали – это все равно, что руки сломали. Простить можно, но вот обнять уже не получается» - писал Лев Толстой.

Причем, как было зафиксировано, со стороны первых лиц двух федеральных ведомств, заместителя председателя еще одного важного учреждения и еще кое-кого. Не понимаю, как можно дослужиться до таких высот, а по своим поступкам не отличаться от обычной торговли на рынке. Нет, пожалуй, я обидел торговку, она ведь торгует легально. Так что у нее все в порядке с мотивацией своей деятельности.

Наши же «герои» торговали нелегально, «из-под полы». Государство им делегировало большие полномочия, дало громадные кабинеты, служебные автомобили, помощников, секретарей, заместителей, как раз для того, чтобы они ревностно соблюдали его интересы. Но на самом деле эти господа занимались деятельностью прямо противоположной интересам государства.

Что они преследовали, когда предупреждали наших фигурантов о грозящей им опасности? Когда людям, обоснованно подозреваемым в совершении тяжкого преступления, сообщали, что те находятся в поле нашего внимания именно в связи с расследованием убийства Листьева? Об этом следствие информировали работники ФСБ с предоставлением

соответствующих материалов. Эти сведения доводились до Генерального прокурора Скуратова.

Не помню, почему эта информация не получила должной оценки. То ли начался скандал с его отрешением от должности, то ли еще что-то произошло. Совершенно очевидно, что такие «удары под дых» следствию наносились.

Вряд ли у кого возникнут сомнения в том, что эти высокопоставленные «деятели» из числа «сочувствующих» или «соучастствующих» не знали положения нашей Конституции РФ:

- о праве каждого на жизнь,
- о том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью,
- о том, что права потерпевших от преступлений охраняются законом.

Поэтому, излишне говорить о присутствии в их головах каких-либо остатков морали и нравственности. Ведь для них было совершенно очевидно, что попавшие в поле зрения следствия персоны подозреваются не в мелком хулиганстве, а в обусловленном корыстными целями жестоким и циничном заказном убийстве известнейшего человека. Это обстоятельство указывает и на то, что среди представителей тогдашнего высшего политического класса находились и весьма беспринципные индивидуумы.

К тому же у наших оппонентов появились хорошие «выходы» на должностных лиц самого высокого ранга тогдашнего МВД России. Нам было известно об их контактах. Там проводились заслушивания оперативной работы по делу. В то же время не хочу поставить под сомнение порядочность и честность тех сотрудников, которые непосредственно работали в оперативной группе.

Знали мы и о случаях, когда с помощью таких «связей» предпринимались попытки направить нас по ложному следу, подбрасывая то версии совершения убийства, то «преступников», его совершивших. Знаю, что режиссеры, стоявшие за этими сценариями, были крайне недовольны нашим неприятием их уловок. Но такая твердость следствия, - с другой стороны, убеждала наших оппонентов, что мы «не плуруем в райских кущах» и ответственность скоро может наступить. Казалось бы, легкий и короткий путь – человек признается в убийстве, рассказывает «басню» о том, как его совершил. Ты только правильно оформляй процессуально, кое-где подскажи ему, где он путается

и все - дело раскрыто, праздную победу. Но такие «пирровы победы» нам не нужны были.

Французский философ и мыслитель Дени Дидро писал: «Искренность - мать правды и вывеска честного человека». Расследуя это дело, мы действительно искренне искали правду и никаких иных целей не преследовали. Считал, что продвигаемся в правильном направлении и, как ни странно, время являлось нашим союзником. По крупицам продолжали собирать доказательства. И, если бы не фиаско с Генеральным прокурором, как знать, может, некоторые «товарищи» были бы уже «на свободе с чистой совестью» за совершение этого убийства.

Следователи группы

Результаты любой работы зависят от компетентности и профессионализме его исполнителей. Не является исключением и проведение предварительного расследования. Опыт, принципиальность, порядочность и профессионализм – необходимые условия для проведения качественного расследования. Не могу сказать, что следователей группы специально подбирали для этого дела. Люди оказались включенными в состав по разным обстоятельствам. Кратко расскажу о некоторых из них.

В конце 1996 года направил в город Саратов отдельное поручение о выполнении ряда следственных действий. Выполнил его следователь по особо важным делам прокуратуры области, юрист первого класса (капитан) Загороднев Дмитрий Николаевич. Причем настолько безукоризненно, полно и грамотно, что решил, если получится, взять этого следователя в следственную группу. Надо было выяснить его пожелание, потому что у человека могут быть проблемы с командировками.

В разговоре Дмитрий сказал, что ему было бы интересно поработать в такой бригаде, но нужно решить этот вопрос с прокурором области Николаем Ивановичем Макаровым. Позвонил прокурору области. Он, кстати, впоследствии стал Заместителем Генерального прокурора по Центральному федеральному округу. Но Николай Иванович «ни в какую» не хотел отпустить Загороднева Д.Н. в Москву. Сказал, что тот занят и предложил мне другие кандидатуры.

Я также узнал, что незадолго до этого Загороднев Д.Н. окончил расследование по одному из сложнейших уголовных дел о массовом

бандитском убийстве с 8 – 9 обвиняемыми. К тому же в тот период Саратовская область была одна из немногих областей, где уже функционировал суд с участием присяжных заседателей. Это обстоятельство тоже требовало особого профессионализма следователей, чьи дела рассматривались таким судом.

Все это подкрепляло мое мнение о том, что Загороднев Д.Н. - толковый следователь и я обязательно должен его «заполучить». Поскольку Макаров Н.И. не хотел идти навстречу, пришлось обратиться к Генпрокурору РФ Скуратову Ю.И.

И только после указания Генпрокурора, Загороднев Д.Н. в марте 1997 года был включен в следственную группу. Как и ожидал, оказался он знающим, скромным и порядочным человеком. Например, много времени спустя, узнал, что он - внук Героя Советского Союза Василия Ивановича Загороднева, капитана, командира противотанковой роты, погибшего в бою в 1944 году на территории Польши.

Что-то было в Дмитрие от деда. Работал добросовестно и очень качественно. Несмотря на свою молодость, на него можно было положиться в любом вопросе. Тем самым у меня «появилось надежное плечо» в группе. Работали вместе до моего ухода в отставку. В дальнейшем профессионализм и трудолюбие Загороднева Д.Н. были замечены. На прокурорско-следственном поприще он занимал ряд должностей, вплоть до руководителя следственного управления СКР по Центральному федеральному округу.

Не знаю почему, но, к сожалению, в 2015 году в возрасте 47 лет ушел в отставку в звании генерал-лейтенанта юстиции. Жаль, что так рано и с таким приличным опытом. Сейчас он трудится в одной известной государственной компании.

Также квалифицировано и усердно работал в бригаде следователь Эльсултанов Шаран Магомед-Алиевич. Он был включен в группу по предложению начальника следственного управления Казакова В.И.

Как понял, они вместе расследовали одно преступление на Северном Кавказе. Шаран скромно умолчал, но к нам влился, не только как опытный специалист, но и, имея ученую степень кандидата юридических наук. Находил полезным посоветоваться и с ним во время совместной работы. В дальнейшем Шаран изредка мелькал в прессе в связи с расследованием различных резонансных уголовных дел. Он стал старшим следователем

по особо важным делам при Председателе Следственного комитета России, а в настоящее время генерал-майор юстиции Эльсултанов Ш. М-А. возглавляет одно из управлений Главного следственного управления СКР (Следственного комитета России).

Из Москвы была прикомандирована Антипенко Елена Викторовна. Работала профессионально, качественно и без замечаний. Ответственна и инициативна. Насколько знаю, в настоящее время Елена Викторовна – старший советник юстиции (полковник) заместитель начальника управления Генпрокуратуры по надзору за следствием в Следственном комитете России.

Также из прокуратуры одного из районов Москвы был направлен следователь Лахтин Валерий Алексеевич. С возложенными на него поручениями справлялся. Был корректен и вежлив как в коллективе, так и с людьми. Ныне он старший советник юстиции (полковник) и старший прокурор одного из управлений Генеральной прокуратуры России.

Орловская областная прокуратура прикомандировала в группу Щеглова Юрия Петровича – районного следователя. Юрий Петрович был зрелым человеком с соответствующим опытом. Сказал бы, что в деле, прежде всего он отличался скрупулезностью, что является хорошей чертой для следователя. В настоящее время старший советник юстиции Щеглов Ю.П. – прокурор города Апатиты Мурманской области.

Прошли через группу и другие хорошие следователи. Я прошу у них прощения, если они обидятся, что я их не упомянул.

Помощь зарубежных коллег следствию

Особое место в расследовании этого уголовного дела занимали вопросы международного сотрудничества в связи с нашими запросами о правовой помощи. Как помню, с такого рода запросами мы обращались к компетентным органам США, Англии, Германии, Франции, Швейцарии, Австрии, Израиля, Кипра, Болгарии, Латвии, Украины и еще некоторых стран.

В Швейцарии мне пришлось контактировать непосредственно с судебным следователем кантона Женева Жоржем Зекшеном. Он вел следствие по делу гражданина России Михайлова С.А. Я выезжал в Женеву, где вместе с господином Зекшеном проводили следственные действия. Из аэропорта Женевы, где меня и переводчика Наталью Козиенко встретил судебный

следователь, повезли в ресторан позавтракать. Выпили, как у них принято, еще по бокалу вина, а затем приехали во Дворец правосудия Женева.

Там передал господину Зекшену ответ Генеральной прокуратуры России за подписью Катышева с приложенными материалами следственных действий, проведенных по его просьбе в России. Ознакомившись с врученными документами, Зекшен, как я заметил, несколько расстроился. Но ему честно сказал, что если бы у прокуратуры России были бы материалы о конкретных преступлениях Михайлова, то мы возбудили бы уголовное дело и привлекли его к ответственности, невзирая на интерес к нему швейцарской стороны. Обсудив с господином Зекшеном план наших действий на следующий день, пошли в гостиницу. При этом помню, что он приятно удивился, когда ему ответил по-французски - «Je parle un peu français». (Я немного говорю по-французски). Спросил, где я учился. Ответил без ложной скромности - в МГУ.

На следующий день, 22 октября 1997 года в кабинет к Зекшену доставили господина Михайлова. В офисе судебного следователя находились российский переводчик Наталья Козиенко, швейцарский переводчик мадам Коринн Биллод, приведенная к присяге и адвокаты: Ральф Освальд Изенеггер и Алек Реймон.

Потом я видел такое и в Израиле, но меня удивило, что Михайлова привели в кабинет в кандалах, заковывающих и руки, и ноги. Когда их сняли, месье Зекшен представил меня господину Михайлову, и я протянул тому руку и поздоровался. Поскольку он допрашивался как свидетель по нашему уголовному делу, то не видел в этом никаких поведенческих противоречий, со своей стороны. Скорее это указывало и на то, что у меня нет никаких предубеждений в отношении Михайлова и мое участие в допросе означает его – свидетеля обязанность честно ответить на вопросы российского следствия.

В начале он заявил, что поскольку швейцарские следственные органы его незаконно арестовали и держат в тюрьме, то он более полугода не отвечает на их вопросы и не сотрудничает со следствием. На мой вопрос, переданный через господина Зекшена, который проводил допрос с моим участием, Михайлов ответил, что на вопросы российского следователя, то есть на мои, он готов ответить. Причем только в том случае, если после того как прозвучит вопрос от Зекшена, каждый раз подтверждаю, что это и мой вопрос. То есть у господина Михайлова проснулись патриотические чувства – отвечал он только на вопросы следователя – соотечественника.

Когда закончились вопросы, с разрешения господина Зекшена я задал Михайлову еще один вопрос, который не мог не возникнуть у меня. Вопрос получился длинным, но его должен был понять не только Михайлов, но и Зекшен.

В связи с тем, что являлся представителем Генеральной прокуратуры России – органа не только обвинения, но и охраны прав и свобод человека, спросил у Михайлова, имеются ли какие-либо претензии, жалобы на режим его содержания под стражей, на то как с ним обращаются и на то, как ведется его уголовное преследование в Швейцарской Конфедерации?

В начале, видимо, от неожиданности вопроса Михайлов разволновался. Надо сказать, что во время допроса последний держался с достоинством. Он, поблагодарив за вопрос, заявил, что давно ждал, чтобы его кто-либо спросил об этом и, особенно из России. По поводу режима содержания и обращения в тюрьме, у него нет жалоб. Он жалуется на то, что швейцарские следственные органы, незаконно его арестовали и содержат под стражей. Тем самым нарушают одно из его основополагающих прав – быть свободным человеком. Просил передать эту жалобу Генеральному прокурору России господину Скуратову. Затем присутствующий секретарь, распечатала показания Михайлова. Он их прочитал и скрепил своей подписью каждую страницу протокола допроса. После этого я еще раз протянул руку господину Михайлову и произнес, чтобы понял и Зекшен: «Au revoir - до свидания (фр.)».

После завершения допроса, один из адвокатов Михайлова изъявил желание встретиться со мной отдельно в Женеве. Я переадресовал эту просьбу господину Зекшену, но как понял, он отнесся отрицательно к этой инициативе. Поэтому сказал адвокату, что, если у них имеются какие-то дополнительные вопросы, связанные с сегодняшним допросом, то они могут официально обратиться в Генеральную прокуратуру России и мы рассмотрим их обращение.

Когда Михайлова увели из офиса, ушли его адвокаты, Зекшен спросил, как я передвигаюсь по Москве, не боюсь ли я преступников?

Ответил, что передвигаюсь и на общественном транспорте, и на специальном, в зависимости от ситуации, что же касается боязни, то об этом даже не задумывался. И не потому, что я какой-то рыцарь без страха и упрека. Просто у меня есть правило - поступать всегда по закону и по совести, поэтому не вижу никаких проблем. И потом, почему я должен бояться, а не они? Он, указав на свои бронированные окна, сказал, что думает по-другому.

Я лишь заметил, что каждый волен действовать, сообразуясь с тем, что он знает и что он расследует. Еще сказал Зекшену, что я не хочу идеализировать состояние преступности в моей стране, но в то же время то, что пишут в прессе, тоже далеко не все соответствует действительности. И, наверное, он понимает, что журналистам нужны сенсации, поэтому они, порой не задумываясь, «сгущают краски». Но мы-то на эти вещи должны смотреть реально.

Не могу сказать, как просочилась информация, но о моем пребывании в Женеве написала одна местная англоязычная газета. Сообщила, что в Женеву приехал следователь из России, расследующий дело об убийстве известного тележурналиста Владислава Листьева. Он проводит следственные действия с местными компетентными органами. После этого меня нашел по телефону сотрудник нашего посольства в Швейцарии, выразивший удивление тем, что только из прессы узнал о моем пребывании в Женеве. Я поблагодарил его за беспокойство и сказал, что все намеченные вопросы уже решил и завтра вылетаю в Москву.

Допросу Сергея Михайлова посвятил свою статью 28 октября 1997 года под названием «Михася допросили по делу Листьева» собственный корреспондент «Комсомольской Правды» в Женеве Леонид Тимофеев.

В том числе указывалось, что «...На днях Михайлова навестил следователь из Москвы Петр Трибой. В присутствии местного коллеги и двух адвокатов он допросил подследственного в качестве свидетеля по делу Владислава Листьева. Как удалось выяснить, на все каверзные вопросы следователя Михась отвечал, что никакого отношения к этому преступлению не имеет, поскольку к моменту его совершения он уже выехал из страны».

А вот как Олег Якубов - автор книги «Михайлов или Михась?» М.: Вече 2013 со слов Сергея Михайлова рассказал об этом женевском допросе: «...В октябре 1997-го Зекшен вызвал меня на допрос и представил мне следователя Генеральной прокуратуры России Петра Трибоя. После прохождения всех необходимых формальностей вопросы мне начал задавать швейцарский следователь. Я был удивлен и не считал нужным скрывать удивления: «Петр Георгиевич, что происходит, почему вы сами не задаете своих вопросов? Дело в том, что я, пользуясь своим правом молчания, не отвечаю на вопросы следователя Зекшена, о чем мной сделано официальное заявление». Трибой ответил, что такова процедура ведения допросов в Женеве. Он добавил, что все вопросы, которые задает следователь Зекшен, подготовлены им, Трибоем и убедительно попросил меня не отказываться

от ответов. Я заметил, что буду считать, что вопросы задает мне российский следователь, и согласился отвечать. В ходе допроса я еще несколько раз обращался к господину Трибой и видел, как злило это Зекшена. Но на все вопросы я все же ответил: мне скрывать было нечего...»

В дальнейшем, насколько известно из СМИ, жюри присяжных швейцарского суда признал Михайлова полностью невиновным. Более того, суд принял решение о компенсации Михайлову в полмиллиона долларов.

Плодотворное сотрудничество сложилось с представителем полиции Государства Израиль в Москве, бригадным генералом полиции Ароном Талем. Господин Таль хорошо говорил по-русски и это обстоятельство во многом облегчило нашу работу. Будучи по происхождению из Польши, отец генерала Таля, дослужился до звания капитана Красной Армии в Великой Отечественной войне. Как понял из дальнейшего общения, к нашей стране у господина Таля было доброжелательное отношение.

Пришлось побывать и в Израиле. Вместе со следователями из управления по борьбе с международной преступностью в городе Петах-Тиква Реуеном Роскисом и Хаймом Каспи допросили нескольких граждан Государства Израиль. Провел в этой стране два обыска. Причем, как мне объяснили израильтяне, это был первый случай в их стране, когда следователь иностранного государства получил судебное решение на их производство. Дело в том, что консультанты Министерства юстиции Государства Израиль без особого восторга отнеслись к нашей просьбе об обысках. С этим заключением Министерства юстиции вместе с Реуеном Роскисом и Хаймом Каспи приехали в суд Тель-Авива. Причем генерал Таль сказал, что в их стране все решает суд и, если мне и содокладчикам Роскису и Каспи удастся доказать необходимость такого разрешения, то мы его можем получить.

Надо отметить еще такую особенность обстановки в городском суде Тель-Авива. Когда вышли из машины и направились к центральному входу в суд, то нас окружила масса фоторепортеров, которые непрерывно фотографировали нас всю дорогу вплоть до того, как зашли в зал судебного заседания.

Когда спросил, с чем связан этот ажиотаж, то мои коллеги ответили, что, скорее всего, репортеры даже не знают кто мы такие. Просто они нас фотографируют и, если потом всплывет какая-то сенсация, связанная с нашим пребыванием в суде, то они любому информагентству тут же продадут наши фотографии.

Рассматривала обращение единолично судья. Как мне показалось, вдумчивая молодая женщина, возрастом не более 40 лет. В судебном заседании она подняла меня и спросила, для чего нужны обыски. С помощью переводчика кратко рассказал ей, что расследую и для чего необходимы обыски.

Следователи Роскис и Каспи сказали, что они вникали в представленные мною материалы и считают, что обыски нужно проводить, а, следовательно, судебное решение необходимо. Судья удалилась в совещательную комнату. Вернувшись, минут через 10 – 15 она огласила свое решение – удовлетворить ходатайство российского следователя - разрешить проведение обысков в двух офисах! И это несмотря на противоположное мнение минюста страны. Из Израиля получил все запрошенные документы, в том числе и копии материалов целого уголовного дела, расследованного израильскими следователями. По понятным причинам подробности не могу привести.

Время моего пребывания в командировке в Израиле (сентябрь 1996 года) совпало с праздником Еврейского Нового года, и я был приглашен на торжественное собрание принявшего меня управления. Некоторым сотрудникам вручали награды, грамоты, очередные специальные звания. Затем неожиданно предоставили слово мне. В начале немного растерялся, но потом взял себя в руки и вышел перед аудиторией.

В зале было человек триста сотрудников. Поздравил их с праздником. Рассказал немного о нашей организации. Сказал, что прокуратура у нас надзирает за соблюдением Конституции, исполнением законов, координирует деятельность всех правоохранительных ведомств по борьбе с преступностью. В то же время следственный аппарат прокуратуры расследует самые серьезные преступления в стране. Отметил положительное значение сотрудничества наших двух стран в уголовно-правовой сфере. Поблагодарил коллег за взаимодействие и сказал, что в случае их обращений мы ответим им взаимностью. Люди тепло аплодировали после моего краткого выступления.

Знаю, что после меня в служебную командировку в Израиль ездил мой коллега - старший следователь по особо важным делам Тамаев Руслан Сугаипович. Он тоже остался доволен результатами совместной работы. Приезжали и израильтяне к нам и, насколько знаю, они тоже были удовлетворены проделанным.

Продуктивно развивалось сотрудничество в рамках расследования уголовного дела с атташе по юридическим вопросам Посольства Соединенных

Штатов Америки в Российской Федерации - сотрудником Федерального бюро расследований (ФБР) Дэнисом Косгровом.

По нашим запросам о правовой помощи через господина Косгрова получил из США все интересующие нас документы. Отвечал Дэнис и на другие запросы по уголовным делам, которые направляли в США наши следователи. Дэнис бывал и у нас на работе. Принимал его наш непосредственный руководитель. Не обошлось и без «рюмки» чая. Во время «чаепития» один из моих коллег подарил Дэнису свой белый генеральский китель. Как же мы смеялись, когда при очередном посещении нас Дэнисом, коллега сказал, что сегодня на собрании ему нужно надеть белый китель, а он его подарил. В ответ на что Дэнис пошутил: «Владимир, 20 долларов и я тебе дам китель на два часа для участия в совещании». «Вот она американская черта предприимчивости», - заметил, улыбаясь, один из коллег. Дэнис, безусловно, был профессионалом обязательным и приятным в общении человеком.

Помню, по-моему, на праздновании Дня независимости США – 4 июля наряду с другими сотрудниками правоохранительных ведомств: прокуратуры, ФСБ, МВД были приглашены и мы - из следственного управления.

В резиденции посла США в России - Спасо Хаус, Дэнис радушно встретил нас, представил послу США господину Джеймсу Коллинсу и своему главному начальнику - находившемуся тогда с визитом в Москве Директору ФБР США Луису Фри. Мы обменялись рукопожатиями и какими-то приличествующими по случаю праздника фразами, а затем отошли в сторону.

А вот с господами французами взаимодействие не особо сложилось. Они очень долго не отвечали на наш запрос о правовой помощи. Причем первое обращение они попросту потеряли. В связи с такой нерадивостью, по указанию Скуратова Юрия Ильича пришлось встретиться с атташе по юридическим вопросам Посольства Франции в России. Фамилию его не помню. Сказал, что поскольку столь неаккуратно исполняется наш запрос о правовой помощи по такому важнейшему для нас уголовному делу, то Генеральный прокурор России уполномочил меня сообщить, что такое же отношение может быть проявлено и к запросам французской стороны в Россию. Тем более, что их запросы о производстве процессуальных действий в Россию проходят именно через Генеральную прокуратуру. Как мне сказали, в тот период в России находилось два или три запроса о правовой помощи, в том числе, помню – по групповому убийству, совершенному несовершеннолетним во Франции. Французский представитель предложил направить новый запрос, который спустя некоторое время, был исполнен.

Гримасы следствия

Как-то прочитал, что «следователю очень важно отличать правду ото лжи для чего приходится идти на различные ухищрения, о которых рассказывает криминалистическая наука».

И у нас бывали анекдотические ситуации. Однажды решил проверить достоверность одной информации, поступившей от оперативных работников. Она вызвала у меня сомнения в своей истинности. Для этого сообщил им «байку» о вымышленном факте. Сказал, что этот факт установлен следственным путем. Каково же было мое удивление, когда через некоторое время оперативники сообщили мне, что обстоятельства, о которых им говорил, действительно имели место и нашли свое подтверждение при оперативной проверке. Тогда я «раскрылся», сказал, что это была сочиненная мною «байка», и попросил в дальнейшем «не грузить меня отсебятиной». Они без обид поняли, что такие «уловки» не проходят.

А бывали и такие случаи.

Как-то в начале мая 1998 года меня очередной раз вызвал к себе Генеральный прокурор Скуратов. Он сообщил, что на днях Президент России Борис Николаевич Ельцин посетил МИД РФ. Сопровождал Президента в числе других пресс-секретарь Ястржембский С.В. У здания МИД России, якобы к свите Президента приблизилась некая гражданка Лонгинова Е.В., которая заявила, что «знает кто убил Листьева». Ястржембский записал координаты этой женщины и передал их Скуратову. Честно говоря, подумал, что на улице весна и, скорее всего, в этом кроется причина этой очередной «тайны» об убийстве Листьева.

Аналогичные заявления поступали к нам неоднократно и, чаще всего, весной и осенью во время известных обострений. Но не проверять «заявление» мы не могли, так как не имели на это право и к тому же об этом стало известно «на самом верху». Допрашивал «заявительницу» три дня, так как она подробно рассказывала, где и при каких обстоятельствах ей стало известно об убийстве Листьева, описала приметы этих лиц, заявила, что могла бы их опознать. Она же сказала, с кем делилась этой «информацией» во время нахождения в больнице в другом городе. Пришлось установить всех этих лиц и допросить их. Естественно, запросили и данные о состоянии ее здоровья. Как помнится, она страдала «джексоновской эпилепсией». Насколько знаю, врачи не считают это заболевание психическим. В итоге на проверку этого заявления

мы затратили не менее 3 недель и, в конечном итоге, выяснилось, что оно не заслуживает внимания. Об этом с приложением материалов проверки доложил Генеральному прокурору.

Не знаю, сообщал ли Юрий Ильич о результатах проверки Президенту или его помощнику - Ястржембскому. Это я к тому, что следственно-оперативной группе оказывалось противостояние не только умышленно, но зачастую возникали и такие весенне-осенние заявления, проверка которых также отнимала немало времени и сил.

В мае 1996 года арестованный за совершение ряда преступлений, и содержащийся в следственном изоляторе Тюмени гражданин Вывчий И.Б. показал, что убийство Листьева совершил он вместе со своим знакомым.

Заказчиком убийства выступал владелец крупного московского банка и человек, ранее работавший в КГБ СССР. Назвал он и организатора убийства, содержащегося в том же следственном изоляторе. Вывчий был этапирован в Москву допрошен подробно об обстоятельствах совершения преступления и его показания тщательно проверены. Его показания не нашли своего объективного подтверждения.

Уличенный в даче ложных показаний, Вывчий изменил их и указал на других лиц. Были проверены и эти, очередные показания. Впоследствии выяснилось, что давал он такие показания с тем, чтобы получить послабления в режиме содержания под стражей и «прокатиться на самолете в Москву». Оно все-таки веселее, чем все время сидеть и ждать своей участи в одной камере.

Помню после завершения проверки, спросил Вывчего, что его побудило сделать столь громкое заявление о своей причастности к убийству? Он, недолго думая, ответил вопросом, «а разве вам невыгодны такие мои показания, раскройте убийство, получите медали». Ответил ему, что мы устанавливаем людей, которые действительно причастны к этому преступлению. Вывчий удивился этому моему заявлению.

Случалось и так. Поручил молодому коллеге допросить человека, получить ответы на определенный перечень вопросов. Если допрошенный опишет приметы увиденного, соответственно - провести опознание по фотокарточке. Вечером того же дня молодой товарищ принес мне папку со следственными действиями. Обратив внимание, что в папке бумаг много, спросил, ну что описал приметы? Коллега ответил – нет. Это меня удивило

и решил открыть папку. Смотрю протокол допроса, из которого следовало, что допрашиваемый никого не запомнил и там же лежал протокол опознания по фотокарточке. На мой вопрос, кого должен был опознать допрошенный, и для чего он проводил еще и это следственное действие, коллега ответил кратко – «на всякий случай».

Странные перемены в следственном управлении Генпрокуратуры

Характеризуя перемены 1999 года, произошедшие в управлении по расследованию особо важных дел, считаю уместным применить к ним известное некрасовское выражение «бывали хуже времена, но не было подлей». Казалось бы, коллектив практически был тот же, за исключением того, что сменилось несколько начальников. Но обстановка изменилась до неузнаваемости. Никогда в жизни не сталкивался с подобным.

Можно сказать, что тогда наступил некий момент истины. Как известно, это выражение означает момент, когда правда становится очевидной. Правда же бывает не только приятной, но и горькой. В нашей ситуации это выглядело так: большинство коллег, невзирая ни на какие новые обстоятельства, продолжали оставаться Людьми. Но какая-то часть (несколько человек), как оказалось, цинично осознала, что «Плохая репутация – красивой жизни не помеха». Поэтому они, желая «прибрать» какие-то «должностенки», или движимые иными, далекими от благородства мотивами, теряли последние остатки человеческого достоинства. Порой ловил себя на мысли: «Ну, как же так, черт подери, вроде бы человек нормальный, столько лет его знал и никогда в жизни не подумал бы, что может так низко пасть». Но, это в нормальное время. А когда наступают времена другие..., то и люди меняются и на поверхности всплывают далеко не лучшие их черты.

Страшно даже подумать, как эти «коллеги» повели бы себя при наступлении действительно тяжелых времен. Час этих новых managers (менеджеров) оказался довольно скоротечным. Все они впоследствии очутились вне стен прокуратуры.

Предвижу, что кто-то не согласится моей оценкой. Что же, каждый имеет право на свою точку зрения.

Опишу свое видение и дам свои оценки. Новые начальники завели в следственном управлении журнал учета прибытия следователей и их убытия

с работы. В этом журнале мы должны ежедневно отмечаться о своем нахождении. Пришел на работу – отметил в журнале. Если уходишь на экспертизу, в следственный изолятор или допросить кого-либо в другом месте, обязан непременно отмечаться. Опоздал на работу на 3 – 5 минут, пиши объяснение. А то, что ты ежедневно работаешь сверхурочно и по 2 – 3 года не бываешь в отпуске - это новых руководителей не волновало.

Весной 1999 года у меня тяжело заболела мать. Просился несколько раз, чтобы отпустили, увидеться с ней. Когда наконец-то дали «добро» в начале апреля, - было уже поздно. Приехал ... спустя 4 часа после того, как она скончалась... Опоздал навсегда с ней попрощаться при жизни. Близкие говорили, что спрашивала она меня до последней минуты. До сих пор жалею об этом опоздании. Мне надо было все бросить и уехать. Потом бы разобрались. К сожалению, все мы задним умом крепки.

*Рассмотреть и решить в
связи с сообщением о
тяжелом состоянии
матери Трибоя П. Г.
(близкое состояние,
врачи уже бессильны).*

РАПОРТ

Прошу Вас предоставить мне отпуск за 1998 год с 6 апреля 1999 года.

Следователь по особо важным делам
Генеральной прокуратуры
Российской Федерации

старший советник юстиции *Трибой П. Г.* Трибой П. Г.

*С учетом прихода в
следственный изолятор
состояния на 20 апреля
05.04.99*

Состояние.
05.04.99.

Да и кому до этого было дело?

Новоявленные менеджеры продолжили переформатирование отношений в коллективе. Увеличилось количество всякого рода совещаний. Рос вал ненужных бумаг, которые следователи должны были представить новоиспеченным «командирам». Помню, как-то подсчитал, чтобы продлить срок предварительного следствия по уголовному делу, нужно было собирать до семи подписей различных чиновников. Причем даже по делу, по которому срок следствия продлевался неоднократно и не один год, новые управленцы умудрялись внести свои «полезные», с их точки зрения, замечания и «улучшения».

Например, отдельно от постановления о продлении срока следствия нужно было подготовить дополнительно еще и справку с указанием количества следственных действий, произведенных по делу (допросов, очных ставок, экспертиз и т.д.). Хотя эти данные указывались в самом процессуальном документе о продлении срока предварительного расследования. На эту формальную процедуру иногда уходило несколько дней, что резко контрастировало с недавним прошлым. Многие из нас от этих «новшеств» пребывали в жутком недоумении.

Ежедневно «наверх» подавались какие-то рапортчики о наличии личного состава, как будто руководители отделов не знали, сколько у них людей по списку. Внешне все это «бумаготворчество» создавало видимость «кипучей деятельности» и подавалось начальством как желание «навести строгий порядок». Думаю, что на самом деле, эти мелкие пакости имели, прежде всего, целью во что бы то ни стало «прижать и построить следователей» как самостоятельных процессуальных фигур на стадии предварительного расследования. Надо сказать, что это были крайне странные меры для следователей центрального аппарата Генеральной прокуратуры РФ. Людей опытных, ответственных, не нуждающихся в такой «мелочной опеке».

Ведь очевидно, что результативность их работы оценивалось не по временной ставке прихода на работу и ухода с работы. В уголовно-процессуальном кодексе РФ прописано назначение уголовного судопроизводства, которое должно производиться в разумный срок. Там нет никаких указаний относительно временных рамок работы следователя. Кстати сказать, некоторые из этих «нововведений» вскоре были отменены. Видимо и до них (начальников) дошла их абсурдность.

В этой связи я вспомнил слова, приписываемые одному из ученых Волгоградской высшей следственной школы МВД СССР, который якобы, когда слушателей - будущих следователей подобными приемами

«начали душить», сказал: «Сапоги давят на мозги». Совершенно очевидно, что и в ситуации с нами такие приемы были недопустимы. Для многих из нас эти нововведения были не только неприемлемы, но и оскорбительны.

По моим ощущениям в следственном управлении создалась обстановка подозрительности и недоверия к следователям. Чтобы принимать посетителя, надо было написать какие-то заявки, а не просто встречать внизу у поста милиции, как было раньше. Возникла проблема с приглашением понятых при производстве следственных действий. Не у каждого «человека с улицы» находилось время для оформления разрешения проходить в служебный кабинет следователя.

И что самое прискорбное. Помните читатель, эпизод новозаветной истории, содержащейся в Евангелии от Иоанна, когда Иисусу Христу привели грешницу? Что сказал Христос? «Пусть тот, кто без греха, первым бросит камень»? Даже фарисеи побоялись представить себя безгрешными.

В отличие от фарисеев, новые начальники на такие «мелочи» не обращали внимания, они камни бросали. Причем, если бы «новый порядок» применялся в недавнем прошлом к некоторым из них, то те сами могли оказаться его первыми жертвами. Понял, что такое не исправляется.

Отставка

Все вместе взятое, а также отсутствие каких-либо проблесков надежды на продвижение расследования, подвигло меня к принятию, наверное, одного из самых непростых решений – уволиться из прокуратуры. Решился на этот шаг, поскольку не видел иных выходов. Начиная, как мне помнится, с апреля 2000 года стал оформлять и использовать свои не отгулянные отпуска. Последний приказ Генерального прокурора о предоставлении отпуска и увольнении был датирован 25 июля 2000 года.

Соответственно никто не поинтересовался, почему увольняюсь. Спустя 20 минут после подачи рапорта из управления кадров позвонил какой-то клерк и сказал: «Вы уволены с 11 сентября 2000 года». Уволили мгновенно, как какого-то коррумпированного жулика. Видимо, очень торопились люди с увольнением, чтобы не дай Бог, не передумал. Вдруг еще останусь.

О том, чтобы кто-то сказал по-человечески «спасибо тебе за 28 лет честной службы» и речи не шло. Собственно, я и не обманывал себя подобными ожиданиями. Не сомневаюсь, что моего рапорта об отставке ждали с нетерпением не только мои тогдашние начальники. Полагаю, что это событие

было праздником души и для других персон. Вот ведь, как в жизни бывает: для одних, один и тот же факт является приятным, а для других – полезным.

Весьма забавно, что первоначально уволили меня с выслугой 27 лет 11 месяцев и 27 дней. То есть, не хватило всего трех дней до 28 лет, а это как-никак еще три процента к пенсии за выслугу лет. Что это было: мстью или зловредностью – трудно сказать. Скорее всего, и то, и другое. Между тем ситуация с тремя недостающими днями разрешилась сама собой. В отпуске получил сильный ожог руки и оформил «больничный лист». Проболеl 18 дней. Поневоле им пришлось изменить дату моего увольнения: 11 сентября 2000 года и.о. Генпрокурора Бирюков Ю.С. подписал новый приказ об изменении даты увольнения, установив ее - 29 сентября 2000 года. В соответствии с новым приказом моя выслуга составляла уже более 28 лет.

 ГЕНЕРАЛЬНАЯ ПРОКУРАТУРА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	
26.07.2000	ПРИКАЗ
Москва	
№ 664-к	
О предоставлении отпуска и увольнении	
Предоставить следователю по особо важным делам четвертого отдела управления по расследованию особо важных дел Главного следственного управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации старшему советнику юстиции Трибою Петру Георгиевичу очередной отпуск на 45 календарных дней с 26 июля по 8 сентября 2000 г. (за период 1999-2000 г.). 11 сентября 2000 г., по окончании очередного отпуска, от занимаемой должности освободить и уволить из органов прокуратуры по собственному желанию в связи с переходом на пенсию за выслугу лет (ст. 31 КЗоТ РФ). На основании п.2 ст. 44 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» выплатить Трибою П.Г. выходное пособие в размере двенадцати месячных должностных окладов с доплатой за классный чин.	
Основание: рапорт Трибоя П.Г.	
Генеральный прокурор Российской Федерации государственный советник юстиции 1 класса	В.В. Устинов
ВЕРНО: Ведущий специалист Управление кадров Генеральной прокуратуры РФ 	

ГЕНЕРАЛЬНАЯ
ПРОКУРАТУРА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

П Р И К А З

11.09.2000

№ 884-цс

Москва

Об изменении даты увольнения

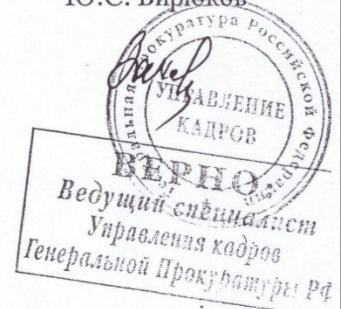
В связи с нахождением на больничном листе в период ежегодного отпуска с 07 по 25 августа 2000 года следовательно по особо важным делам четвертого отдела управления по расследованию особо важных дел Главного следственного управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации старшему советнику юстиции Трибой Петру Георгиевичу изменить дату увольнения с 11 сентября 2000 года на 29 сентября 2000 года.

Основание : рапорт Трибоя П.Г., листки нетрудоспособности.

И.о. Генерального прокурора
Российской Федерации

государственный советник
юстиции 1 класса

Ю.С. Бирюков

Трудовая книжка
АТ-VII № 3176949

Фамилия Трибой

Имя Петр

Отчество Георгиевич

Дата рождения 4 июля 1956 г.
(число, месяц, год)

Образование высшее
(и/среднее, среднее, и/высшее, высшее)

Профессия, специальность правоведение

Дата заполнения 20 июля 1995 г.

Подпись работодателя книжки Петр Трибой
Подпись лица, ответственного за ведение трудовых книжек и Федерации Дмитрий
(разборчиво)

1

СВЕДЕНИЯ О РАБОТЕ АТ-VII № 3176949

Запись за № 1 считается действительной

№ записи	Дата			Сведения о приеме на работу, об увольнении (с указанием на статью, пункт закона)	о переводах на другую работу причин и со ссылкой пункт закона)	На основании чего внесена запись (документ, его дата и номер)
	число	месяц	год			
1						
2						
3						
4						
5						
6	11	09	2000	Согласно указу № 1000 от 09.09.2000 г. Москва о переименовании Генеральной Прокуратуры РФ в Федеральную службу по надзору за исполнением законов Российской Федерации	Согласно указу № 1000 от 09.09.2000 г. Москва о переименовании Генеральной Прокуратуры РФ в Федеральную службу по надзору за исполнением законов Российской Федерации	П.р. 664-га от 25.09.2000
7						
8	29	09	2000	В связи с переименованием Генеральной Прокуратуры РФ в Федеральную службу по надзору за исполнением законов Российской Федерации	Согласно указу № 1000 от 09.09.2000 г. Москва о переименовании Генеральной Прокуратуры РФ в Федеральную службу по надзору за исполнением законов Российской Федерации	П.р. 844-га от 11.09.2000
9						
10						
11						
12						
13						
14						
15						
16						
17						
18						
19						
20						

9

Впервые я вступал «в свободное плавание» как котенок с закрытыми глазами и не знал даже, чем займусь «на гражданке». Вся жизнь до этого была связана только с государственной службой. Потом, правда, благодарил судьбу, что так сложилось. Как в той поговорке - «нет худа без добра». Оглядываясь назад, конечно же, объективно ощущаю некую незавершенность своей госслужбы. Смотрю теперь на это по-философски – значит, так было суждено.

Кстати, после моего увольнения началась прямо-таки какая-то кадровая лихорадка. Нравнодушный к происходящему, мой друг – Александр Хинштейн 15 декабря 2000 года посвятил этому свою публикацию в газете «Московский комсомолец» под названием «Протест прокуроров» с подзаголовком «Из Генпрокуратуры уходят десятки следователей».

Вот, что он написал.

«Еще недавно имена этих людей мелькали на газетных полосах. Ими гордились. Сегодня они уходят.

"Прокурорские "важняки" - следователи по особо важным делам - штучный товар. Они не занимаются мелочевкой. Только самыми сложными и запутанными делами.

Прежде чем надеть генеральские погоны, каждый из них раскрыл десятки преступлений. Их опыт и профессионализм не ставятся под сомнение никем...

Штат Управления по расследованию особо важных дел Генпрокуратуры невелик - всего 44 человека. Однако за последние полгода из управления уволилось уже более трети сотрудников.

Среди них и Николай Волков, прославившийся делом "Аэрофлота". Из своего увольнения Волков сделал настоящее шоу. Другие следователи - уходят молча. Они не хотят подрывать репутацию системы. Именно поэтому о происходящих в прокуратуре событиях никто ничего не знает...

Только с начала декабря рапорты об отставке подала уже группа следователей. В их числе - "звезды" прокуратуры: Владимир Елсуков, Владимир Данилов, Николай Индюков...

Всего пару месяцев назад генерал Елсуков "раскрутил", казалось бы, безнадежно тупиковое дело - убийство прокурора Ханты-Мансийского округа Бедерина. Исполнители были задержаны, заказчик объявлен в розыск.

Владимир Данилов вел расследования двух не менее громких дел - частного охранного предприятия "Атолл" и службы безопасности "Медиа-Моста". (Примечательно, что в отличие, скажем, от следователя Николаева, арестовывавшего Гусинского, в адрес Данилова никаких претензий "Медиа-Мост" не предъявлял) .

Николай Индюков руководил следственной группой по делу об убийстве Льва Рохлина...

Чуть раньше ушел Петр Трибой - один из самых честных и принципиальных следователей. По делу Листьева он, например, провел серию обысков и попытался арестовать предполагаемого заказчика, несмотря на грозные окрики сверху. Нет больше и Бориса Погорелова, ведшего расследование по делу о гигантских хищениях и воровстве в ФАПСИ...

Я называю лишь громкие имена. Между тем число увольняющихся "важняков" неминуемо подходит к двум десяткам.

Почему они уходят? Руководство Генпрокуратуры уверяет, что никакой политической подоплеки здесь нет. У каждого - своя причина. У одних - возраст, у других - здоровье. Третьи, устав от нищенского существования, хотят перейти в коммерцию.

Может, и так. Но согласитесь: столь массовая череда отставок не может не настораживать. Особенно если учесть, что началась она сразу после ухода зам. Генерального прокурора по следствию Михаила Катышева и начальника Управления по расследованию особо важных дел Владимира Казакова.

"Если родина снова призовет нас под ружье, - сказал мне один из "важняков", - мы вернемся".

Было бы куда возвращаться...»

Пророческие слова Саши Хинштейна. Где то следствие Генеральной прокуратуры, которое было когда-то? Прав оказался журналист, куда возвращаться-то? Возврата нет.

Кстати, должен поблагодарить его, пытавшегося помочь мне с трудоустройством в то непростое для меня время. Саша, никогда не забуду твое человеческое отношение, проявленное тогда ко мне.

И тогда, и теперь думаю, что государство поступает расточительно, когда так легко прощается с опытными специалистами. Представьте, сколько средств тратится на подготовку одного следователя. Обучить его в высшем учебном заведении четыре – пять лет. Затем два – три года работы, чтобы обрел необходимые профессиональные навыки. После этого еще несколько лет, чтобы он мог приступить к расследованию сложных дел. А затем, уже как высший пилотаж – возможность принять к производству и расследовать дела сложные, запутанные, многоэпизодные, с большим количеством обвиняемых, руководить следственными бригадами.

В дальнейшем видел по телевизору, как журналисты по привычке спрашивали уже Генпрокурора Устинова как идет расследование убийства Листьева. Почему никто об этом не сообщает?»

Спокойно, уже без прежнего давления, которое оказывалось на нас, Владимир Васильевич, отвечал не без ехидства, что «время следователей – телезвезд прошло» и расследование продолжается. Сожалею, что он не смог (или не захотел) понять простую вещь, о том, что журналисты спрашивали его не о «следователях-телезвездах», а том, как продвигается расследование, что нового установлено по такому нашумевшему убийству.

Чтобы не быть голословным, сошлюсь на публикацию в газете «Аргументы и факты» от 21мая 1999 года (970) рубрики «Новое в громких делах». В частности, Е. Вотинов из Кемеровской области спрашивал: «Хотелось бы узнать, как продвигается дело об убийстве Влада Листьева и есть ли вообще перспективы его завершения?»

И вот ответ. Как сообщили в Центре общественных связей (ЦОС) Генпрокуратуры РФ, расследование дела продолжается, и в последнее время в нем появились новые любопытные сведения. Правда, в интересах следствия они пока не разглашаются.

По имеющимся у нас данным речь может идти о проверке появившейся информации о причастности к этому преступлению бывших служащих Службы безопасности Президента.

Уточнить это у руководителя следственной группы следователя по особо важным делам Петра Трибоя не представилось возможным. В последнее время он редко появляется на службе из-за болезни.

Мне трудно комментировать, что имели в виду в ЦОСе, говоря о появлении в деле «новых любопытных сведений». Может быть, эти сведения

были известны лишь одним работникам ЦОСа. На тот момент, как руководитель следственной группы, ничего о «любопытных сведениях» не знал.

Просто сотрудникам ЦОСа трудно было признать очевидное и говорить правду людям.

При этом я безмерно благодарен тем коллегам из ФСБ, ГУУР, ГУБОП МВД России из МУРа, которые честно и добросовестно в составе группы делали свою работу. Без них, конечно, мы бы многого не смогли установить и документально закрепить. Скромные, порядочные и преданные делу люди. Многих с уважением помню, но не знаю, надо ли, чтобы я их поименно назвал. Знаю, что некоторые продолжают честно служить государству и вполне заслуженно носят свои погоны с большими звездами.

Мои следственные коридоры

Думаю, что мой рассказ был бы неполным, если кратко не рассказать о моем становлении следователем. Начинал свою службу следователем следственного отдела УВД Октябрьского района г. Москвы под началом замечательных руководителей и учителей – Ирины Сергеевны Красновой и Геннадия Васильевича Восторгова. Как сейчас помню, мне в первые же два дня поручили расследование по семи уголовным делам, о кражах, грабежах, разбоях, мошенничестве, уклонении от уплаты алиментов и др. Затем, где-то к концу месяца количество дел увеличилось до двенадцати.

Спустя еще некоторое время число дел возросло до семнадцати. Хорошо помню, что еще и три месяца не проработал, а в производстве у меня уже было двадцать три уголовных дела. Курирующий заместитель начальника следственного отдела Восторгов «подбадривал», «если справишься с этим объемом дел – станешь нормальным следователем, если нет – значит не судьба». Тем самым, уже тогда, на первых порах, Геннадий Васильевич дал мне четко понять, что нужно самому одолеть это обилие уголовных дел, так как помощи со стороны не будет.

Работая около полугода, как-то прибыл в Прокуратуру РСФСР продлевать срок содержания под стражей четверем обвиняемым, среди которых были два брата, жена одного из них и еще один их школьный товарищ. Они проникли в склад и тайно похитили государственное имущество на пять – семь тысяч рублей.

По тем временам это была весьма крупная сумма. Достаточно сказать, что тогда хищение в размере свыше десяти тысяч рублей (ст. 93.1. УК РСФСР) наказывалось лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет с конфискацией имущества или без таковой, или смертной казнью с конфискацией имущества. Так что размеры наказаний за хищения в ныне действующем уголовном кодексе можно назвать вегетарианскими по сравнению с кодексом предыдущим.

Дело мне досталось от другого следователя с приличным процессуальным сроком. Ходатайство рассматривал старший прокурор по надзору за следствием в органах внутренних дел, ветеран войны, Геннадий Андреевич Коломенский. Он увидел, что дело и по объему предстоящей работы и по доказательствам - сложное и спросил меня: «Сынок, сколько работаешь следователем?» Ответил – около шести месяцев. Далее Геннадий Андреевич, поинтересовался, сколько еще дел имею в производстве? Когда ему стало известно, что в моем производстве находятся еще около 22 уголовных дел, он опешил от узнанного и тут же позвонил моим непосредственным городским процессуальным руководителям. Сказал, что я просто физически не справлюсь с расследованием такого большого количества дел. Тем более с таким смешным стажем работы. Городские начальники приняли меня, выслушали, покивали головой, согласились, что дел действительно «многовато», но, к сожалению, ничем реально не помогли. Пришлось самому выкручиваться. Каких мне только усилий это стоило. В конечном итоге расследование по делу завершил. Оно было направлено в суд и по нему был вынесен обвинительный приговор всем обвиняемым.

Если так можно выразиться, то первые годы у меня просто «мозги плавилась» от такого дикого объема работы. Причем я не был исключением. В таком же положении находились и другие мои коллеги из следственного отдела. Чтобы осилить такую невероятную нагрузку, нам следователям, приходилось работать без всяких выходных и праздничных дней. По существу, это была тяжелая, изматывающая работа как на заводском конвейере.

Можно даже примерно подсчитать, сколько уголовных дел завершил расследованием за восемь лет работы в районе. В месяц в то время обычный следователь органов внутренних дел в Москве, подчеркиваю, не самый передовой, обычный, завершал в среднем расследование по 4 - 5 делам, иногда больше, иногда меньше. Если провести нехитрый подсчет, за 8 лет работы я мог окончить предварительное следствие с составлением обвинительного заключения или постановления о прекращении уголовного дела примерно по

400 уголовным делам. Все эти дела, как правило, были одноэпизодными и с одним обвиняемым. Хотя бывали и другие сочетания, как по эпизодам, так и по количеству обвиняемых. Иными словами, после юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова в районе прошел очень хорошую практическую школу следствия.

Надо еще сказать, что следователи органов внутренних дел всегда находились под двойным контролем: собственных процессуальных руководителей и прокуратуры. Так что учили работать, соблюдая закон, но с оглядкой всегда на прокурора, который в любой момент мог вмешаться и при наличии оснований отменить твоё решение.

Собственно, жалоб я не боялся, так как к своим подопечным никогда не относился с пренебрежением. А «натягивать» что-либо несовершенно человеку, которому и так тяжело, так как лишен свободы - для меня это было табу.

В этой связи, когда уже стал адвокатом, меня повергло в удивление высказывание судьи одного из районных судов Москвы. Подсудимая, она же моя подзащитная, заболела и не смогла явиться в суд. Будучи вне рамок процесса, в коридоре, судья, узнав от меня о болезни подсудимой, не нашла ничего иного как заявить: «Ну что она не явилась, мы бы за 30 минут рассмотрели бы её дело». В начале оторопел и даже не знал, что ответить «её чести». Но затем спросил, а если бы подсудимая была бы её дочерью, она бы хотела, чтобы «за 30 минут рассмотрели дело?» Какая профессиональная деформация.

К слову, должен отметить, что в дальнейшем решение районного суда по упомянутому делу было обжаловано. И Московский городской суд прекратил уголовное дело за отсутствием состава преступления.

К сожалению, порой такое же небрежение к своим «подопечным» проявляют и отдельные следователи, оперативные работники. Люди просто не задумываются над тем, что они не вечны в своих креслах и рано или поздно придется спуститься на грешную землю. Наверное, полезно помнить всегда известную пословицу «От тюрьмы и от сумы не зарекайся».

Не знаю, помогло бы это нам, но прочитал, что в Англии критерием для судейского назначения является обладание адвокатским сертификатом в течение ряда лет. Иными словами, прежде чем стать судьей, претендент должен отработать несколько лет адвокатом. Рядовые судьи Высокого суда назначаются из адвокатов, практиковавших не менее 10 лет. Может такое начало серьёзного юридического поприща минимизирует обвинительный уклон в дальнейшей работе?

Многие, наверное, помнят, что в 70 – 80 годы прошлого века на некоторых зданиях в Москве висели огромные плакаты - «Превратим Москву в образцовый коммунистический город». На деле это стремление тогдашних властей оборачивалось тем, что москвичи, осужденные хоть один раз, после отбытия наказания должны были находиться вне Москвы до погашения судимости. Их просто не прописывали. И куда им было деваться? Некоторые возвращались в Москву и их уже привлекали по ст. 198 УК РСФСР за нарушение паспортных правил. Милиция отбирала две подписки о необходимости выезда из Москвы в течение 72 часов, а далее наступала ответственность по этой статье, предусматривавшей наказание один год лишения свободы. Приходилось встречать бывших москвичей (БОМЖей) – лиц без определенного места жительства и рода занятий аж с 10 и более судимостями по этой статье. То есть, что получалось на деле: человек отступился один раз и все – жизнь уже шла по накатанной. Шансы социализироваться вновь были минимальны.

Помню, после освобождения из заключения ко мне зашел один из таких оступившихся, бывший обвиняемый по фамилии Юдаев. Как мне говорили, его отец вроде бы занимал немалый пост в охране Сталина и прежде они жили в «Доме на Набережной» на улице Серафимовича, 2.

Так на него жалко было смотреть, даже шнурков на обуви не было. Сказал, что хочет есть и не на чем доехать «за сто первый километр от Москвы». До моей зарплаты оставалось два дня и отдал ему свои последние 5 рублей, так, как только этим мог помочь. Взяв деньги, Юдаев произнес: «Спасибо, князь, (не знаю, почему он назвал меня так), если бы пришли наши времена я бы тебя не расстрелял», а потом, улыбнувшись, вышел из моего кабинета. Больше его не видел. Как сложилась его дальнейшая судьба, не знаю.

Затем в 1988 году меня откомандировали на полтора года в одну из следственных групп Прокуратуры Союза ССР. По возвращению из этой следственной группы решил уйти со следствия. Написал реферат на тему по уголовно-правовой дисциплине и сдал его в адъюнктуру Академии МВД СССР. Получил на него отличный отзыв. Для допуска к вступительным экзаменам необходимо было, чтобы мое личное дело из управления кадров ГУВД Мосгорисполкома направили в Академию. И вот здесь столкнулся с бетонной стеной в лице одного из заместителей начальника этого управления.

Помню, зашел в кабинет к этому бюрократу, объяснил свою проблему. И что бы вы подумали, он даже сесть мне не предложил, смотрел на меня как на какого-то червяка. Сидел в кресле, такой пухленький, розовощекий, на столе ни одной бумажки, ногти чистил пилкой. Ответил так, нехотя, «через губу», чтобы

я шел работать там, где работаю, и никакого личного дела он никуда не направит. Поведение и ответ «кадровика» буквально втоптали меня в пол. Думаю, вот бездельник сидит, ни хрена не делает, а еще распоряжается судьбами людей. Откуда он знает, кто я, что расследовал? Хотя бы посмотрел мое личное дело, но ему это было не надо. Для него важно было, чтобы я «эвакуировался» из его кабинета и не мешал ему спокойно жить.

После взяточников, чью деятельность расследовал последний год, бюрократы вторые по вредности – подумал я. Какая несправедливость. Может мой жизненный опыт, сопряженный со следственным, во сто раз больше чем у этого лентяя. Но, несмотря на это, он решает мою судьбу. Хочу – отправлю, не хочу – пошел вон. Вот так-то.

Будучи обескураженным и, опешив от бессилия перед этим столоначальником, пролепетал, что-то типа того, что так относиться к людям нельзя, тем более ему, кадровому работнику. И я обращаюсь по этому вопросу к министру внутренних дел СССР Вадиму Викторовичу Бакатину.

«Иди хоть в ЦК КПСС или еще куда-нибудь» - ответил «кадровик», будучи уверенным в своей неуязвимости. Вернулся как «оплеванный» из этого ГУВД. Думаю, нет уж, или уволюсь, или вы меня отпустите. За ночь написал жалобу министру Бакатину и на следующий день подал его. Честно говоря, не очень рассчитывал, что в нашем министерстве кто-то обратит внимание на мой «вопл». Но, случайно или нет - повезло.

В августе 1989 года из министерства позвонили и сказали, что меня сам министр приглашает на беседу. В назначенное время прибыл в приемную министра и доложил дежурному о своем прибытии. В ожидании, переминаясь с ноги на ногу, мысленно задавал себе вопрос, зачем я обратился к министру. Сейчас он меня примет «отчитает по первое число» и «пошлет подальше». Минут через двадцать дежурный предложил зайти в кабинет министра. Открыл двойные массивные двери и зашел в большой длинный кабинет.

Стол министра с приставным столиком располагался вдали справа от входа. Когда уже приблизился к столу, навстречу сделал несколько шагов Вадим Викторович Бакатин, которого я увидел впервые живьем.

В отличие от «кадровика» министр оказался воспитанным человеком и предложил присесть. Хотя тогда от охвативших меня волнений, был готов и постоять. Моя жалоба была на столе у Вадима Викторовича и, как понял, он ее внимательно прочитал. Спросил, где и как работал. Сказал, что работаю следователем в районе, а в последнее время, больше года, в следственной группе Прокуратуры Союза ССР. Уголовных дел с оправдательными

приговорами и возвращенных на дополнительное расследование нет, взысканий тоже не имею.

Министр своим спокойным тоном разговора расположил к себе, и я решил рассказать ему все как есть, без экивоков. Думаю – будь что будет, уволит, значит, так тому и быть. Наша беседа длилась около 40 минут. Вадим Викторович расспросил и о личной жизни. Откровенно ответил на все вопросы. Тогда министр говорит: «А давай решим твой вопрос так. Переводим тебя следователем Главного следственного управления МВД СССР и через год, если тебе не понравится, отпущу тебя в твою академию. Идет?»

Честно говоря, такой оборот событий был для меня неожиданным, но не безнадежным. Подумал, все-таки я привязан к профессии следователя и так легко не смогу от нее отделаться. Это из-за недобросовестного «кадровика» и из-за коррупции, которую увидел, решил уйти, а так специальность совсем неплохая. Думаю, надо уважить предложение министра, он ведь не приказывает, а предлагает. Пришлось согласиться с предложением министра и тогда он пригласил в кабинет своего заместителя по следствию генерала Кукушкина Юрия Александровича, которого также увидел впервые.

Вадим Викторович представил меня и сказал, что принял решение назначить следователем Главного следственного управления МВД СССР. Генерал Кукушкин не возразил, но заметил министру, что из Москвы кадры вовсе не отдадут или отдадут, но с большим трудом. На моих глазах он решил этот вопрос «одним нажатием селекторной кнопки». Ему ответил начальник ГУВД Мосгорисполкома генерал-лейтенант Богданов П.С.

Вадим Викторович, сказал, что решил назначить следователя Трибоя в Главное следственное управление министерства и тому следует распорядиться о направлении моего личного дела на Житную*.

Заодно Вадим Викторович сказал генералу Богданову, чтобы он разобрался со своим кадровым работником, который так черств к людям.

Тот ответил - «есть». Вот они веяния перестройки в действительности, бесхитростно подумал я. Как оказалось, человечность в отношении к людям у министра была, а у кадровика отсутствовала. Дело было сделано и Вадим Викторович спросил, доволен ли я, как решился мой вопрос. Поблагодарил его за внимание и сказал, что не подведу в оказанном доверии. На этом наша беседа завершилась и вместе с Юрием Александровичем Кукушкиным вышел из кабинета министра.

* на улице Житная в городе Москве располагался главный офис МВД СССР, ныне офис МВД России.

Уже находясь в кабинете генерала Кукушкина, последний также расспросил меня о прежней работе на следствии. Ответил все как есть. Забавно, что впоследствии мне звонили из ГУВД и спрашивали, имеются ли у меня претензии к «кадровику».

Сказал, что лично к нему - нет, его простил, но он должен сделать выводы из произошедшего и изменить свое отношение к людям. Вот так оказался в Министерстве внутренних дел СССР, за что до сих пор благодарен Вадиму Викторовичу Бакатину, дай ему Бог здоровья.

По прошествии времени спрашивал себя, что дала мне работа в следственной группе Прокуратуры СССР?

Могу сказать, что служба в этой бригаде позволила мне впервые заглянуть в тайны расследования больших, масштабных уголовных дел. Когда твои «подопечные» - не просто большие начальники, а великие. Здесь, зачастую шла речь о публичных персонах, которые нередко мелькали в средствах массовой информации. Правда, на деле иногда убеждался, что понятия «большой начальник» и «большой Человек» не всегда совпадали. Как правило, привычных обывателей в такого рода делах нет и к следователю предъявляются другие требования. Ты не многостаночник, как в районе, где порой стиралась грань между началом и окончанием рабочего дня. Тут у тебя есть реальная возможность внимательно изучить первичные оперативные и следственные материалы, составить хорошие планы не только расследования, но и проведения отдельных следственных действий. Это голубая мечта следователя, которого всегда торопит время. С учетом этих возможностей считаю, что в таких бригадах ты не должен, ты обязан юридически грамотно и корректно с точки зрения соблюдения норм материального и процессуального права провести любое следственное действие, которое тебе поручается. О таком ритме мог только помечтать. Потом надо сказать, что следователи были из разных регионов бывшего СССР и, как правило, закончили они различные юридические ВУЗы страны, то есть это был «Клондайк» для изучения и анализа чужого следственного опыта. Работая в бригаде, обращал пристальное внимание на то, как тактически верно выполнены те или иные следственные действия, как они процессуально оформлены. Что мне представлялось интересным, передовым - использовал в дальнейшей работе. В свою очередь тоже делился своим опытом. Моему руководителю пришлось по душе составленные мною процессуальные документы. И мне даже было как-то не по себе, когда она в присутствии других коллег обращала на это внимание. Поэтому считаю, что работа в бригаде была хорошей стажировкой. Много

нового познал и на многое научился смотреть по-другому. При этом и тогда, и до сих пор с огромной благодарностью вспоминаю всех своих учителей из МГУ и в первую очередь моего научного руководителя по диплому – Героя Советского Союза, профессора Юрия Матвеевича Ткачевского, профессора Юрия Алексеевича Красикова – уголовное право, профессора Элеонору Федоровну Куцову с кафедры уголовного процесса. Низкий им поклон и дай им Бог здоровья!

Люди постарше лучше меня поймут. Дело в том, что 80 – 90-е годы прошлого века характеризовались коренным переустройством страны. Открывались архивы, появлялись новые книги. А какая глубокая и поразительная публицистика была. По утрам стояли длинные очереди в газетных киосках. Выражаясь словами Антона Павловича Чехова, в то время каждый «по капле выдавливал из себя раба».

Между тем страна наша приближалась к развалу. Балтийские республики провозгласили свою независимость от СССР. 13 января 1991 года произошли трагические события в Вильнюсе, повлекшие человеческие жертвы.

Спустя неделю, 20 января 1991 года совершено нападение на здание МВД в Риге. В результате стрельбы в самом центре города при массовом скоплении людей погибли 4 человека. По этому факту Прокуратурой СССР было возбуждено уголовное дело, расследование которого поручено старшему следователю по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР Костареву В.Е. К нему в следственную группу в Ригу были прикомандированы два следователя ГСУ МВД СССР: я и Сибилев В.Д. Работали мы добросовестно и собирали все доказательства, невзирая на то, в чью пользу они свидетельствовали.

Какие особенности этого расследования мне запомнились. В то время в Латвии параллельно действовали две прокуратуры: одна – латвийская и другая – советская. Укомплектованы были обе организации бывшими работниками прокуратуры Латвийской ССР. Одни сотрудники, поддержавшие независимость республики, перешли работать в Латвийскую прокуратуру. Другая же часть, выступавшая за целостность СССР, осталась работать в так называемой «советской» прокуратуре. Последние продолжали подчиняться и выполнять приказы Прокуратуры Союза ССР. Размещались они в красивом здании бывшего довоенного Посольства Франции в Латвии на бульваре Яниса Райниса. В этом же здании следственной группе под руководством Костарева В.Е. отвели несколько кабинетов для нашей работы.

Руководитель следственной группы поручил мне допросить очевидцев произошедшей стрельбы. Поначалу возникла проблема с явкой людей на

допрос к следователям нашей группы. Свидетели относились с недоверием и попросту не хотели встречаться с нами. Подвергать их приводу было нельзя, потому что это только накалило и без того непростую обстановку в Риге. И потом, какие можно было получить полноценные показания от человека, которого рано утром разбудили и принудительно доставили к тебе на допрос. Это не было выходом из положения.

Помню, после отказов нескольких человек явиться на допрос, мне удалось убедить одну женщину – латышку все же прийти и сообщить все, что она видела. Сказал, что мы обычные люди, политикой не занимаемся. Нас интересуют только обстоятельства произошедшего около здания МВД 20 января 1991 года. Разве она не заинтересована в том, чтобы установить правых и виноватых в этом событии, в котором к тому же погибли 4 человека? Наконец-то эта, как оказалось, красивая, статная латышка, похожая на Валерию Мессалу, описанную в книге Рафаэлло Джованьоли «Спартак», явилась ко мне на допрос. Она добросовестно и подробно рассказала все, что видела в тот злополучный вечер.

Весь ее подробный рассказ, как картину, я перенес в протокол допроса. Она прочитала протокол, заметила, что очень ясно и подробно изложены показания и подписала его. Помню, ушла она не сразу после допроса, а еще расспросила меня о моей жизни. Сама сказала, что вскоре собирается эмигрировать с семьей в Германию. На этом мы и расстались. При этом попросил, чтобы она рассказала правду и другим людям о том, как произошел допрос и что мы занимаемся исключительно только расследованием произошедшей трагедии. Этим, как мне показалось, удалось растопить ту наледь недоверия, которая возникла в начале. В дальнейшем латышские граждане, которые, надо сказать, оказались удивительно законопослушными, стали откликаться на наши приглашения о явке на допрос. Произошедшее нам удалось восстановить достаточно подробно.

Потом мне Костарев поручил допросить членов делегации депутатов Ленсовета, находившихся в Риге в день стрельбы, и для выполнения этой работы уехал в Ленинград.

Насколько мне известно, последовавший затем распад СССР не позволил завершить расследование этого уголовного дела.

В начале 90-х начала «бурлить» обстановка в северокавказском регионе России. В конце октября 1992 года напряженность переросла в вооруженный конфликт между ингушами и осетинами, повлекший многочисленные человеческие жертвы. В декабре 1992 года Постановлением Съезда народных депутатов России была создана объединенная следственно-оперативная группа

(ОСОГ) Генеральной прокуратуры, МВД и ФСК РФ под руководством первого заместителя начальника следственного управления Генпрокуратуры Щукина А.В.

В рамках этого расследования группе следователей, в числе которых был и я, было поручено проверить следственным путем правомерности действий (распоряжений) федеральной и местных властей до и во время конфликта. Предстояли выемки документов (приказов, распоряжений, докладных записок, шифротелеграмм), их изучение, а также допросы высших должностных лиц обеих республик, некоторых федеральных министров, вице-премьеров, «силовиков», как федеральных, так и местных. К июлю 1994 году свою работу завершил и передал материалы для принятия окончательного решения по делу руководителю ОСОГ.

Весьма своеобразно об этой моей работе в следственной группе выразился коллега из Вологды и тезка - Петр Константинович Кузьмин в одной из написанных им эпиграмм:

«П. Трибою

Петр президентам учинял допросы,
наотмашь генералов он «колол».

Но может стать «редиской» нехорошей,
Коль не сдерет с царя Бориса протокол».

Здесь необходимо пояснить, что в то время руководители республик, входящих в состав Российской Федерации, тоже были президентами. Соответственно мною допрашивались президенты Северной Осетии – Алании – А.Х. Галазов и Республики Ингушетия – Р.С. Аушев.

А вот насчет «...наотмашь генералов он «колол», надо признать, что в рамках уголовного дела допрошены были и руководители органов внутренних дел обеих республик. С соблюдением норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, предусмотренных при производстве этого следственного действия. Насколько помню, тогдашние Президент и Премьер России по этому делу не допрашивались.

16 апреля 1993 года Вице-президент России Руцкой А.В. выступил в Верховном Совете РФ с коррупционными разоблачениями высшей власти. После этого выступления в новейшую историю России вошла крылатая фраза об «одиннадцати чемоданах компромата Вице-президента России Руцкого».

Для проверки выдвинутых обвинений Генеральной прокуратурой РФ возбуждено уголовное дело, расследование которого было поручено старшему

следователю по особо важным делам при Генеральном прокуроре России Лысейко Владимиру Онуфриевичу. В рамках расследования этого дела были направлены запросы об оказании правовой помощи компетентным властям Швейцарии, Канады.

Королевская конная полиция Канады (Royal Canadian Mounted Police (RCMP)) выразила согласие на совместное исполнение запроса о правовой помощи лишь при наличии в составе следственной группы представителя МВД России. С чем это было связано? На тот момент между Россией и Канадой действовал меморандум о сотрудничестве только между нашим МВД и полицией Канады. Для того чтобы соблюсти требования совместного меморандума, меня, как следователя МВД и ввели в состав следственной группы Генпрокуратуры РФ.

Помню, накануне вылета в Торонто Лысейко предложил зайти к генеральному директору ИТАР-ТАСС Виталию Никитичу Игнатенко, с которым, как я понял, он был хорошо знаком. В кабинете у Виталия Никитича не оказалось штопора и мне пришлось простым карандашом вдавливать пробку внутри бутылки. В продолжавшейся беседе, мы не были концентрированы на какую-то конкретную тему. Так говорили обо всем. В какой-то момент Володя Лысейко сказал, что на следующий день мы улетаем в служебную командировку в Канаду. Виталий Никитич дал понять, что, если надо, он может помочь. В начале я не понял, как и чем он может нам содействовать. Но, когда он попросил соединить с корреспондентским пунктом ИТАР-ТАСС в Канаде, догадался.

В разговоре с нашим собственным корреспондентом в Оттаве Виталий Никитич сказал, что мы, по-моему, он выразился - его друзья, прилетаем в Торонто, назвав рейс из Франкфурта на Майне и дату. Каких-то конкретных указаний он не давал, просто сказал журналисту, в случае необходимости - помочь нашей миссии. Каково же было наше удивление, когда встречавший нас в международном аэропорту Пирсон города Торонто лейтенант Джон Нили сообщил, что нас ищут представители российской прессы. Не мафия ли это? Тогда тема «русской мафии» в Канаде массированно будировалась. Мы посмеялись вместе и сказали Джону, что этот журналист является нашим соотечественником и не представляет ни для кого никакой опасности. Впрочем, скажу, что мы и не делали для СМИ особой тайны из той поездки.

В конце октября – начале ноября 1994 года Лысейко и меня в Канаде сопровождал блестящий переводчик-синхронист из управления международного сотрудничества МВД РФ, молодой старший лейтенант Сергей Прокофьев. Поселили нас в большом красивом отеле «Роял-Йорк» в одном из

центральных районов Торонто. Различные следственные действия: допросы, выемки, осмотры в Торонто, экспертиза в Оттаве, заняли более 10 дней. Кроме упомянутого Джона Нили с нами работали также сотрудники канадской полиции Том Андерсон, Рик Рейнолдс и Патрисия Ингалс (Баричелло). Последняя хорошо говорила по-русски и в некоторых ситуациях выступала и как переводчик.

В столице Канады – Оттаве, куда мы прилетели на маленьком восьмиместном полицейском самолете, нас также принимал один из вице-комиссаров полиции канадского государства. Он нам рассказал о полномочиях и задачах канадской полиции, местных особенностях борьбы с преступностью. Провел в кризисный (ситуационный) центр, где в огромном зале на различных больших экранах скапливалась информация о положении в стране. Было весьма любопытно и очень интересно.

Поразил экспертно-криминалистический центр в Оттаве, который мы посетили. Там нам провели одно экспертное исследование. Канадские специалисты определили не только способ изготовления имевшегося у нас документа, но и страну, где такая бумага выпускалась.

Уровень профессиональной компетенции канадских следователей оказался вполне сопоставимым с нашим. Только у них, как мне показалось, была более четкая специализация по расследуемым преступлениям. То есть, из этого следовало, что подготовка наших следователей более универсальна и мы способны расследовать более широкий спектр преступных посягательств. Как я понял, у нас вербальный процесс (допросы, очные ставки) ведется подробнее. Думаю, что не так уж и плохо, если в процессуальных документах подробно отражается то, что люди видели и ощутили.

В один из выходных дней урвали время и посетили величественный Ниагарский водопад – самый мощный в Северной Америке. Зрелище потрясающее. На смотровой площадке стоял такой шум, что с трудом можно было услышать находящегося рядом собеседника. Это чудо природы протекает между штатом Нью-Йорк (Соединенные Штаты Америки) и провинцией Онтарио (Канада). Как нам сказали, наиболее красивый вид похожий на подкову шириной 792 метра открывается именно с канадского берега. Высота падения воды 52 метра. В этой поездке также удивило и то, что как нам заметили сопровождавшие нас коллеги – канадские полицейские, у них нет никаких проблем пересечь границу с США и вернуться обратно. То есть, граница для канадских граждан открыта.

В другой выходной день посетили в Торонто самую высокую на тот момент (553,5 метра) башню в мире под названием CN (Canadian National). На

скоростном лифте поднялись на одной из смотровых площадок где-то на высоте около 300 с лишним метров. Мне говорили, что с этой площадки можно заметить и Ниагарский водопад. Правда, я его не увидел. Город Торонто действительно смотрится как на ладони. Особо остро – до мурашек ощущаешь эту большую высоту, когда наступаешь на прозрачный пол смотровой площадки.

Несмотря на то, что Канада красивая страна, под конец командировки очень уж хотелось домой. Тогда впервые подумал, а как же в советское время люди уезжали из страны «в один конец» без возможности возвращаться. И поймал себя на мысль, что никогда не смог бы уехать. Все вокруг говорят на другом языке, уклад жизни совершенно другой и ... все другое, хотя очень ухоженно и чисто вокруг.

В дальнейшем рамках этого же уголовного дела были допрошены многие действующие и бывшие политики России, что называется первого ряда: Шумейко В.Ф., Руцкой А.В., Степанков В.Г., Ильюшенко А.Н., Дунаев А.Ф., Баранников В.П., Якубовский Д.О. и другие.

Обстоятельства допроса тогдашнего Председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации Владимира Филипповича Шумейко запомнил очень хорошо. И вот почему. В один из дней через адвоката господина Шумейко договорился о допросе в его служебном кабинете на улице Большая Дмитровка. К моему прибытию в приемной было несколько человек. Не думаю, что все они ждали приема. Сел рядом с адвокатом Владимира Филипповича и стал ожидать, когда помощник пригласит зайти к нему в кабинет.

В это время в приемный зал вошел летчик-космонавт СССР Герман Степанович Титов в форме генерал-полковника со звездой Героя Советского Союза на кителе. Увидев около нас с адвокатом свободный стул, Герман Степанович занял его. Мы разговорились, так ни о чем. Космонавт номер два сказал, что на дополнительных выборах баллотируется в депутаты Государственной Думы РФ по какому-то подмосковному избирательному округу и ему необходимо кратко переговорить с господином или товарищем Шумейко. Не помню точнее, как он выразился. Затем он рассказал веселый анекдот «о петухе и курице» - «не догоню, хоть согреюсь». Когда посмеялись, вышел помощник Владимира Филипповича и спросил: «Кто здесь следователь?».

Я встал и ответил. Он сказал, что могу зайти к Владимиру Филипповичу в кабинет. В это же время с тем же вопросом ко мне обратился и Герман Степанович. Ответил и ему, что да, я - следователь. Вы долго будете общаться

с Владимиром Филипповичем – спросил он? Сказал, что мне предстоит его допросить и это займет немало времени. Герман Степанович, улыбнувшись как бы потише спросил, «а что их тоже допрашивают?» И тут же попросил меня, позволить ему зайти к Владимиру Филипповичу, «буквально на 10 минут», как он сказал. Я бы не отказал в такой просьбе и обычному человеку, не то, что этому легендарному человеку. И брякнул, не особо подумав об ответной реакции: «Я не могу не уступить свою очередь Гагарину номер два».

В ответ, Герман Степанович справедливо меня поправил, сказав: «Я - Герман Титов». Далее заметил помощнику Шумейко В.Ф., что, если не будет возражений, уступлю свою очередь Герману Степановичу. И после того как он выйдет, я зайду. Возражений не последовало и Герман Степанович зашел в кабинет. Действительно прошло около 10 – 15 минут и он вышел из кабинета. Улыбаясь, подошел ко мне, протянул мне руку, потрепал по плечу и поблагодарил за проявленное уважение. Больше этого красивого и мужественного человека - Германа Степановича Титова, к сожалению, не встречал.

Так что к 1995 году для следственной части прокуратуры России не был уже «чужим» человеком. Я знал людей и меня знали. Поэтому, когда начальник следственного управления Генпрокуратуры РФ Михаил Борисович Катышев предложил перейти на работу к ним – с удовольствием согласился.

Обстановка в коллективе была здоровая. Никаких интриг, намеков на начальственное барство и близко не было. Собственно, это всегда обстоит так, когда люди занимаются своим делом по-настоящему. Мне тогда казалось, что если даже в коллективе и завелся бы какой-нибудь «дядел», то он бы остался без работы, потому что установившийся хороший моральный климат напрочь отвергал подлости. Словом, трудовые будни – праздники мои. Говорю об этом не без огромного сожаления, потому что к середине 1999 года и следа от той былой нормальности в коллективе не осталось, хотя подавляющее большинство людей были те же. Что случилось, и почему такая разительная перемена произошла, об этом написал выше.

Грустные размышления

Уж и в помине нет той мощной прокуратуры, из которой я уходил. Структуры, внушавшей уважение к закону, как обычным гражданам, так людям, «находящимся с ним не в ладах». Нынче все другое. И следствия в ней не осталось...

До недавнего времени следователи прокуратуры расследовали самые «громкие» преступления. Но 15 января 2011 года вступил в силу новый Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации». Тем самым в крышку гроба прокурорского следствия был вбит последний гвоздь. В результате была образована самостоятельная от прокуратуры структура – Следственный комитет России.

С одной стороны, мы как бы приблизились к правовым стандартам Европы. А с другой, возникает вопрос, насколько оправдались ожидания от таких перемен с учетом наших правовых традиций и реалий. Стали ли простые граждане более защищенными? Вряд ли.

Последовала неразбериха с полномочиями прокуроров в части их надзорных функций в отношении органов предварительного расследования. В начале была отобрана их значительная часть, за исключением утверждения обвинительного заключения и отмены постановления следователя о возбуждении уголовного дела в течение 24 часов с момента получения прокурором материалов, послуживших основанием для возбуждения уголовного дела. Затем часть прежних прерогатив вернули. Например, прокурора вновь уполномочили на отмену постановлений о прекращении уголовного дела, об отказе в возбуждении уголовного дела. Тем не менее, обязательность указаний прокурора по уголовному делу действует только в отношении дознания.

Весьма любопытно, что против урезания полномочий прокуроров высказывались не только ветераны правоохранительных органов, но и видные представители адвокатуры России. Очевидно, что адвокаты, в лице прокуроров, лишались значительного рычага воздействия на органы предварительного следствия в отстаивании законных интересов своих подзащитных.

Не безупречна с точки зрения юридической техники оставленная прокурору возможность требовать от следственных органов устранения нарушений федерального законодательства.

Согласитесь, между понятиями «требовать» и «устранить» остается элемент усмотрения следствия, которое и решает надо ли «устранить» и в какой момент. На деле бывает так, что к моменту реального «устранения нарушения» правам и свободам гражданина или иным охраняемым законом правоотношениям причиняется невосполнимый ущерб.

Для наглядности давайте рассмотрим одну из самых острых ситуаций, связанных с арестами подозреваемых и обвиняемых. Ранее при рассмотрении этого серьезного вопроса, непосредственно затрагивающего конституционные права и свободы гражданина, задержанный в начале допрашивался помощником прокурора, его заместителем или самим прокурором. Затем все материалы уголовного дела представлялись прокурору для изучения с тем, чтобы понять насколько эти доказательства являются допустимыми и весомыми при принятии решения, по существу. С учетом доказательств о совершении деяния прокурор и принимал соответствующее решение.

Прежнюю правовую конструкцию разрушили, полномочия на избрание меры пресечения в виде заключения под стражу возложили исключительно на суд. Был восторг, мы стали ближе к правовым государствам, гордились, считали, новый порядок лучше прежнего. А к чему пришли реально?

В настоящее время, в соответствии с п.2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» действует прямой запрет на обсуждение вопроса о виновности лица. Суд может оценить лишь формальные основания для ареста, то есть, что уголовное дело возбуждено по статье, предусматривающей лишение свободы. Инкриминируемая статья тоже должна предусмотреть лишение свободы. Перечислены ряд формальных признаков и, если они присутствуют в постановлении следователя о возбуждении ходатайства, то считай, что шансы избежать ареста минимальны. Равно ситуация повторяется и при продлении срока содержания обвиняемых под стражей. Думаю, что не нужно быть юристом, чтобы понимать, когда полнее обеспечивалась гарантия защиты прав и свобод человека: при прежнем законодательстве или действующим в настоящее время.

Возникает вопрос, как отстоять права и свободы по «заказному уголовному делу» или сберечь свое имущество и права на него, после возбуждения уголовного дела по мнимым основаниям при рейдерском захвате? Очень тяжело, а иногда, просто невозможно. Человек лишается имущества, а порой, и свободы. По моему мнению, нужен оперативный правовой механизм, который бы мгновенно застопорил попытки любого лица, действующего недобросовестно или, тем более, с преступным умыслом. И таким органом в нынешних условиях могла бы быть именно прокуратура.

Для правоприменителей это общеизвестные проблемы. И упомянул я о них не для того, чтобы кого-то в чем-то упрекнуть. Их нужно разумно и

конструктивно решить и тогда наверняка значительно спадет количество обращений наших граждан в Европейский суд по правам человека.

Послесловие

Несмотря на то, что после убийства Владислава Листьева прошел двадцать один год, считаю, что касательно этого дела до сих пор остаются темы, которые невозможно описать в книге. Исхожу из императива о том, что интересы следствия – превыше всего. Уверен, что коллегам, которые работали после меня, наверняка удалось по каким-то направлениям продвинуть расследование или что-то детализировать, уточнить.

Правдиво, без выдумок и конъюнктуры рассказал то, что мог в настоящее время. Безусловно, есть и другие интересные для читателя моменты этого расследования, о которых, может быть, когда-нибудь тоже будет написано. Но пока вот только это. Вполне возможно, что кто-то из героев этого рассказа, прочитав его, обидится, сказав, что все обстояло не совсем так или вовсе не так. Поверьте, я его написал не для того, чтобы кого-то уязвить или обидеть. Постарался изложить свою точку зрения, основанную на той информации, которая осталась в моей памяти.

Написанное – небольшой познавательный кирпичик, дополняющий тот массив информации, который бытует в общественном мнении об этом непростом деле. Понимаю, что иной профессиональный литератор написал бы об этом деле, куда с большим талантом. Я же использовал в своем рассказе сухой фактологический язык следователя. Поэтому прошу не судить строго о литературных достоинствах написанного, так как моей целью было не упражнение в словесности, а развенчание мифов о таком резонансном деле.

В средствах массовой информации, особенно в печатных, часто приходилось обращать внимание на риторические вопросы тех или иных авторов, кого же все-таки убили преступники в лице Владислава Листьева: телевизионного журналиста, руководителя одного из главных телеканалов России – Общественного российского телевидения, нувориша, «нового русского»?

В таком же смысле однажды выразился один молодой коллега, сказав, что в этом убийстве «завалили богача». Следовательно, и отношение к последствиям соответствующее. Ответил молодому товарищу, что он не

обыватель и для подобных утверждений нужны доказательства. Какие у него основания для таких выводов? Он ответил, что такая молва идет.

Конечно же, Влад, как и все мы, не был святым. Безусловно, он был талантливым человеком, оказавшимся «в нужное время в нужном месте». Такие возможности, как правило, появляются у людей любопытных, трудолюбивых и незаурядных. Собранные нами фактические данные давали основания считать, что его убийство все-таки связано с профессиональной деятельностью на посту руководителя Общественного российского телевидения.

И последнее. Мудрый Уинстон Черчилль как-то сказал: «Ложь успевает обойти полмира, пока правда надевает штаны».

Так вот, уважаемый Читатель, если по прочтении этого рассказа у Вас исчезнут какие-то сложившиеся ложные стереотипы об этом преступлении, и Вы найдете ответы хотя бы на часть интересующих вопросов, то посчитаю что настоящее издание своей цели достигло.

Июнь, 2016 года

Фотографии

15 мая 2014 года, аэропорт Домодедово. Встреча через 15 лет с бригадным генералом полиции Израиля в отставке господином Ароном Талем.

Тот же день – 15 мая 2014 года. Встреча Ю.И.Скуратова и М.Б.Катышева с господином Ароном Талем.

Беседа с корреспондентом старого НТВ Николаем Николаевым – 28 февраля 1999 года в моем кабинете № 204 следственной части Генпрокуратуры РФ.

Фотоснимок, сделанный во время телепередачи об убийстве Владислава Листьева, по каналу НТВ - 01 марта 1999 года.

Мои друзья – Александр Хинштейн и Валерий Костарев поздравляют 04 июля 2011 года с днем рождения.

Поздравления с 80-летием замечательного человека, блестящего юриста, поэта Валентина Григорьевича Демина – бывшего помощника по особым поручениям Генеральных прокуроров СССР Р.А.Руденко и А.М.Рекункова.

Михаил Борисович Катышев – бывший Заместитель Генерального прокурора России, мой строгий руководитель, которого иногда «за спиной» звали еще комиссар Каттани.

Следователь следственной группы по делу Листьева - Дмитрий Загороднев. Впоследствии генерал-лейтенант юстиции, руководитель следственного управления СКР по Центральному федеральному округу.

С моим другом В.Е. Костаревым на заседании Союза совета ветеранов следствия – 26 января 2017 года.

С Михаилом Борисовичем Катышевым на заседании Союза совета ветеранов следствия – 26 января 2017 года.

Одна из групп следователей, расследовавших убийство Листьева в начале 1997 года. Слева направо: Шаран Эльсултанов, Сергей Сеницких, Валерий Лахтин, Юрий Щеглов, Елена Антипенко, Петр Трибой, Станислав Гондзяк и Игорь Можарцев.

Владимир Иванович Казаков (слева) – начальник управления по расследованию особо важных дел Генпрокуратуры РФ (1995 – 2000 г.г.)

С коллегами по следственно-оперативной группе в зоне осетино-ингушского конфликта, декабрь 1992 год

С экспертом-криминалистом МВД РФ Я.Ф.Васильевым там же, декабрь 1992
